

ДЖОН ГРИШЭМ

СЕРАЯ ГОРА

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм

Серая гора

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Серая гора / Д. Гришэм — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-094282-4

Саманте Кофер казалось, что ей обеспечена блестящая карьера в солидной юридической фирме на Уолл-стрит, однако когда разразился кризис, ее мгновенно выкинули на улицу. И теперь единственная предложенная ей вакансия – это место юриста в затерянном в горах шахтерском городке Брэйди... Саманта, решив сменить обстановку и «отсидеться» в провинции в нелегкие времена, думала, что на новом месте ее ждет смертельная скука, но все оказалось иначе. Брэйди, как и любой маленький городок, скрывает немало опасных тайн, многие здесь готовы пойти на все, чтобы сохранить их. И первое же серьезное дело Саманты ставит под угрозу ее жизнь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094282-4

© Гришэм Д., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джон Гришэм Серая гора

John Grisham
GRAY MOUNTAIN

© Belfry Holdings, Inc., 2014

© Перевод. Н.В. Рейн, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Памяти Рика Хембы
(1954–2013).
Прощай, Туз.*

Глава 1

Весь ужас был в этом ожидании – терзали неизвестность, бессонница, язвенная болезнь. Сотрудники игнорировали друг друга и прятались за запертыми дверями. Секретари и юристы распространяли слухи и прятали глаза. Все были на пределе и задавались одним и тем же вопросом: «Кто следующий?» Партнеры, или большие боссы, замкнулись в своих раковинах и избегали общаться с подчиненными. Возможно, скоро они получат приказ отправить их всех на заклание.

А слухи ходили самые невероятные. Десять коллег по судопроизводству утратили свои полномочия – это была правда лишь отчасти, на самом деле только семеро. Целиком закрыли подразделение по разделу имущества, с партнерами и прочим – чистая правда. Восемь партнеров по расследованию антимонопольной деятельности перебежали в другую фирму – вранье, по крайней мере на данный момент.

Словом, атмосфера настолько накалилась, что Саманта при каждом удобном случае выходила из здания и работала с ноутбуком, сидя в одном из многочисленных кафе Нижнего Манхэттена. А как-то раз выдался погожий денек и она сидела на скамейке в парке – через десять дней после падения «Леман бразерс»¹ – и смотрела на высокое здание по другую сторону улицы. Дом находился по адресу: 110, Брод-стрит, и все его верхние этажи арендовала самая большая в мире юридическая фирма под названием «Скалли энд Першинг». Пока что *ее* фирма, хотя теперь будущее весьма туманно. Штат насчитывал две тысячи юристов в двадцати странах, только в Нью-Йорке работала половина из них, и около тысячи специалистов размещались здесь, на этажах от тридцатого до шестьдесят пятого. Сколько из них вдруг захотят выброститься из окна? Оставалось только гадать, и подобные мысли приходили не ей одной. Крупнейшая в мире фирма погружалась в хаос вместе со своими конкурентами. Паника охватила не только этот оплот Закона с большой буквы, но и трастовые фонды, инвестиционные банки, обычные банки, страховые компании, Вашингтон, и на самом дне этой пищевой цепочки – торговцев на Мейн-стрит.

Десять дней прошло без кровопролития, и еще один – тоже. А на двенадцатый день вдруг появились проблески оптимизма. Бен, один из коллег Саманты, подхватил слух о том, будто кредитные рынки Лондона понемногу заработали. Так что заемщики могли найти и получить хоть какие-то наличные. Но позже, в этот же день, слух этот был решительно опровергнут: ничего подобного. И все они снова ждали.

Двое партнеров возглавляли в «Скалли энд Першинг» агентство недвижимости. Один был предпенсионного возраста, и его уже выперли. Второй, Энди Грабмен, был сорокалетней конторской крысой и сроду не переступал порога зала судебных заседаний. Как партнеру, ему полагался уютный офис с видом на Гудзон, правда, отдаленным, и он годами не замечал реку за стеклами окон. На полке за письменным столом, ровно посередине, размещалась его коллекция небоскребов в миниатюре. «Мои домики» – так он их называл. По завершении строительства очередного здания он вызывал скульптора и просил сделать его точную уменьшенную копию, а затем щедро одаривал такими маленькими трофеями каждого из членов «своей команды». За три года работы в «С энд П» в коллекции Саманты накопилось уже шесть таких миниатюрных зданий, но теперь, пожалуй, на этом придется остановиться.

– Присаживайся, – скомандовал Энди и затворил дверь. Саманта уселась в кресло рядом с Беном, по другую руку от него разместились Изабель. Все трое изучали свои ноги и ждали. Саманта ощущала непреодолимое желание схватить Бена за руку – так делает испуганный

---

¹ Инвестиционный банк, некогда один из самых надежных. Обанкротился в сентябре 2010 г., после чего паника перекинулась с Уолл-стрит на все торговые площадки мира. – *Здесь и далее примеч. пер.*

заклученный при виде расстрельной команды. Энди рухнул в свое кресло и, избегая смотреть им в глаза, но твердо вознамерившись дать оценку ситуации, принялся подводить итоги печальной ситуации, в которой они оказались.

– Как вам известно, две недели назад холдинг «Леман бразерс» приказал долго жить.

Да неужели, Энди? Финансовый и кредитный кризис поставил весь мир на грань катастрофы, и об этом знал каждый. Но, как опять же всем было известно, Энди никогда не отличался оригинальностью мышления.

– У нас в работе пять проектов, и все они финансировались «Леман». Я переговорил с владельцами, и все пятеро отказываются от поддержки проекта. У нас вырисовывались еще три, два с участием «Леман», и один – с «Ллойдом», ну и теперь все кредиты заморожены. Банкиры попрятались в бункеры, боятся одолжить и десять центов.

Да, Энди, представь себе, и это тоже мы знаем. Все на первых полосах газет. Давай заканчивай, и пошли выбрасываться из окон.

– Вчера заседал исполнительный комитет, принял решения по урезанию расходов. Будут уволены тридцать сотрудников-первогодков: кто-то сразу, кому-то дают небольшую отсрочку. Все только что нанятые вылетают немедленно, автоматически. Все договоренности аннулируются. И, хотя мне нелегко об этом говорить, но все наше подразделение тоже входит в этот блок. Его урезают. Устраняют. Потому что никто не знает, когда владельцы снова начнут строительство. Если вообще начнут. А потому фирме нет смысла держать вас на зарплате, когда весь остальной мир жаждет кредитов. Черт, мы ввергаемся в великую депрессию. И это наверняка только первый этап сокращений. Простите, ребята, мне невероятно жаль.

Бен заговорил первым:

– Стало быть, мы вылетаем все и сразу?

– Нет. Я ведь боролся за вас, ребята, как же иначе. Поначалу они планировали сразу вручить каждому уведомление об увольнении. Не стану напоминать вам, что наше подразделение самое маленькое в фирме, а потому первым попадает под удар. Но я уговорил их предоставить вам неоплачиваемый отпуск. Уходите прямо сейчас, а потом вернетесь. Возможно.

– Возможно? – спросила Саманта.

Изабель украдкой смахнула слезинку, но в целом держалась неплохо.

– Да, понимаю, надеяться особенно не на что. Но ведь в мире сейчас все так неопределенно, согласна, Саманта? Что толку крутиться, гоняться за собственным хвостом? Занятие бесполезное. Через полгода все мы можем прийти на бесплатную раздачу супа. Видели старые снимки тысяча девятьсот двадцать девятого года?

– Да будет тебе, Энди, какой еще бесплатный суп? В качестве партнера в прошлом году ты заработал 2,8 миллиона долларов и занял в фирме «Скалли энд Першинг» четвертое место по этому показателю. Четвертое место – это, конечно, не бог весть что, во всяком случае, до того, пока не рухнул «Леман», не обанкротился и не лопнул, как воздушный пузырь, «Бер Стернс»². Но в нынешних обстоятельствах четвертое место выглядело очень и очень даже неплохо.

– А что значит неоплачиваемый отпуск? – спросил Бен.

– Сейчас объясню. Фирма не расторгает с тобой контракт на протяжении последующих двенадцати месяцев, но зарплату ты не получаешь.

– Мило, – пробормотала Изабель.

Энди не обратил внимания на эту ее ремарку и продолжил:

– Медицинская страховка сохраняется, но действует только при обращении к квалифицированному бесплатному специалисту. Кадровая служба уже составляет список подходящих вакансий. Вы уходите, трудитесь где-нибудь в благотворительной сфере, спасаете мир, живете

---

² Один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира, обанкротился во время кризиса 2008 г.

надеждой, что экономика воспрянет из пепла, а потом через год или около того возвращается в фирму и занимаете прежнюю должность. В наше агентство по недвижимости можете и не попасть, но фирма найдет вам место.

– Так нам гарантируется работа по окончании этого самого отпуска? – спросила Саманта.

– Нет, дорогая, ничего не гарантируется. Честно говоря, еще не нашлось такого умника, который мог бы предсказать, что ждет нас в будущем году. Предвыборная кампания в разгаре, Европа летит к чертям собачьим, китайцы взбесились, банки закрываются, рынки рушатся, никто ничего не строит и не покупает. Короче говоря, конец света.

Какое-то время они сидели в мрачном молчании, все четверо раздавленные реальной перспективой конца света. И вот наконец Бен спросил:

– И ты тоже, Энди?

– Нет, меня переводят в налоговую. Можете себе представить? Я ненавижу налоговые службы, но выбора нет – или идти в налоговую, или работать водителем такси. Но у меня степень магистра по налогам, наверное, поэтому меня решили пощадить.

– Мои поздравления, – пробормотал Бен.

– Мне очень жаль, ребята, правда.

– Да нет, я это искренне. Рад за тебя.

– Может, через месяц и оттуда вышибут. Кто его знает.

– И когда мы должны уйти? – спросила Изабель.

– Прямо сейчас. Процедура такова: надо подписать согласие на отпуск, собрать вещи, освободить столы и валить на улицу. Позже кадровики отправят всем по электронной почте список некоммерческих организаций и положенные документы. Мне действительно жаль, ребята.

– Пожалуйста, прекрати нести эту хрень, – сказала Саманта. – Ничем не можешь помочь, так лучше уж помолчи.

– Верно. Но могло быть куда как хуже. Ведь большинству таких же, как вы, сотрудников, никакого отпуска не предоставили. Просто уволил, и и все.

– Извини, Энди, – сказала Саманта. – Но, знаешь ли, эмоции переполняют.

– Ничего, я понимаю. Ты имеешь полное право сердиться и огорчаться. Да стоит только посмотреть на вас! Это надо же! Все трое с юридическими дипломами «Лиги плюща», и вас выпроваживают из здания, как каких-то воришек. Вышибают на улицу, как простых рабочих. Все это ужасно, просто ужасно. Кое-кто из партнеров даже предложил урезать свои зарплаты наполовину, чтобы избежать этого.

– Готов поспорить, таких было немного, – заметил Бен.

– Да, верно. Сколь ни прискорбно, совсем немного. Но решение уже было принято.

Женщина в черном костюме и черном галстуке стояла возле закутка, где Саманта делила «рабочее пространство» с тремя другими сотрудниками, в том числе – с Изабель. Бен работал в другом офисе, чуть дальше по коридору. При виде Саманты женщина попыталась изобразить улыбку и сказала:

– Я Кармен. Могу чем-то помочь? – В руках она держала пустую картонную коробку, без всяких надписей и наклеек, чтобы никто на свете не узнал, что коробка эта предназначена для вещей сотрудника «Скалли энд Першинг», которого отправили в неоплачиваемый отпуск, или попросту вышибли с работы.

– Нет, спасибо, – ответила Саманта и даже удивилась, как вежливо у нее это получилось. Она могла бы огрызнуться, ответить какой-нибудь грубостью, но ведь эта Кармен просто исполняла свои обязанности. И Саманта принялась выдвигать ящики стола и вынимать из них все личные вещи. В одном ящике хранились файлы по работе в «С энд П», и она спросила: – А с этим что делать?

– Они останутся здесь, – ответила Кармен, следя за каждым ее движением, словно Саманта могла стянуть какой-либо ценный предмет.

Но на самом деле все самое ценное хранилось в компьютерах – в стационарном, который стоял на столе, и в ноутбуке, который она повсюду носила с собой. Ноутбук тоже принадлежал «Скалли энд Першинг». Так что и его следовало оставить. Саманта могла бы скачать все данные на свой персональный компьютер, но знала – коды доступа уже поменяли.

Словно во сне она опустошила ящики стола, затем аккуратно сложила в коробку шесть миниатюрных небоскребов из своей коллекции, хоть и была мысль выбросить их в мусорную корзину. Остальные сотрудники – помощники, секретари, юристы – вдруг нашли себе какие-то важные занятия. Протокол усваивался быстро: если кто-то начинает освобождать стол, пусть себе уходит с миром. Никаких свидетелей, и глазеть тут не на что, и обниматься на прощание тоже совершенно незачем.

Глаза у Изабель были красные и припухшие, наверное, бегала в туалет выплакаться. Она прошептала ей на ухо:

– Позвони мне. Сегодня вечером не мешало бы выпить.

– Непременно, – ответила Саманта. Закончила запихивать вещи в коробку, портфель и вместительный дизайнерский рюкзак и, не оглядываясь, промаршировала вслед за Кармен к лифтам на сорок восьмом этаже.

Они стояли и ждали, и Саманта старалась не вертеть головой и не бросать прощальные взгляды вокруг. Двери открылись – к счастью, в лифте никого больше не было.

– Я помогу, возьму вот это. – Кармен указала на битком набитую коробку.

– Нет, – сказала Саманта и вошла в кабинку.

Кармен нажала нижнюю кнопку. «Почему это меня вот так выпроваживают из здания?» Чем дольше Саманта размышляла над этим, тем злее становилась. Ей хотелось плакать, хотелось убраться отсюда как можно скорее. Но больше всего хотелось позвонить маме. Лифт остановился на сорок третьем этаже, в кабину вошел прекрасно одетый молодой человек. В руках он держал в точности такую же картонную коробку, через плечо был перекинут широкий ремень сумки, под мышкой зажат кожаный портфель. И взгляд в точности такой же – в нем читались страх и смятение. Прежде Саманта видела его в лифте, но не знала, кто он такой и из какой фирмы. Сотрудники в костюмах фирмы «Маммут» носили бейджики с указанием имени на последней ужасной рождественской вечеринке. Следом за ним вошел охранник в черном костюме, и все сразу стало на свои места.

Кармен снова нажала кнопку первого этажа. Лифт поехал вниз, Саманта уставилась в пол, вознамерившись молчать, даже если с ней кто-то заговорит. На тридцать девятом этаже лифт снова остановился, и в кабину, изучая свой мобильник, вошел мистер Кирк Найт собственной персоной. Двери закрылись, он осмотрелся, увидел две картонные коробки, приоткрыл рот и резко выпрямил спину. Найт был старшим партнером в фирме «Слияние и поглощение», а также являлся членом исполнительного комитета. Неожиданно оказавшись лицом к лицу с двумя своими жертвами, он сглотнул и рванулся к двери. Но затем вдруг нажал кнопку двадцать восьмого этажа.

Саманта была слишком подавлена, чтобы наброситься на него с оскорблениями. Мужчина в дорогом костюме стоял с закрытыми глазами. Лифт остановился, Найт пулей вылетел в коридор. Двери закрылись, и тут Саманта вспомнила, что фирма арендует этажи с тридцатого до шестьдесят пятого. Зачем понадобилось Найту выходить на двадцать восьмом? Впрочем, какая разница?

Кармен проводила ее через вестибюль к выходу на Брод-стрит. Робко пробормотала «мне очень жаль», но Саманта не ответила. Нагруженная, как мул, она зашагала по тротуару куда глаза глядят. Потом вдруг вспомнились снимки из газет – на них были запечатлены сотрудники «Леман» и «Беар Стернс», выбегающие из офисных зданий с картонными коробками с

таким видом, точно там начался пожар и они спасались от верной гибели. На одном из снимков на первой полосе «Таймс» красовалась крупная темнокожая женщина, сотрудница «Леман», по ее щекам градом катились слезы, она стояла на тротуаре и выглядела такой несчастной и беспомощной.

Но все эти снимки уже не были актуальны, и Саманта камер поблизости не видела. На углу Брод- и Уолл-стрит она поставила коробку на асфальт и стала ловить такси.

Глава 2

Зайдя в свой шикарный лофт в Сохо, обходившийся ей в две тысячи долларов в месяц, Саманта побросала все офисные принадлежности на пол и рухнула на диван. В руке она сжимала мобильник, но звонить никому не хотела. Потом она стала делать глубокие вдохи и выдохи с закрытыми глазами и понемногу успокоилась. Ей было необходимо услышать голос матери, обрести хоть какую-то поддержку, но нельзя допустить, чтобы мама услышала отчаяние и слабость в ее голосе.

Облегчение пришло лишь тогда, когда она вдруг осознала: теперь она освободилась наконец от работы, которую презирала. Сегодня в семь можно будет посмотреть какой-нибудь фильм по телевизору или поужинать с друзьями, а не корпеть весь вечер над бумагами, готовясь к очередному рабочему дню. А в воскресенье – уехать из города без всяких мыслей об Энди Грабмене и целой горе документов, которые следует подготовить к очередной решающей сделке. Ей наконец-то удалось освободиться от «Фирмфона», этого чудовищного маленького гаджета, крепившегося к ее телу на протяжении трех лет. И она чувствовала себя свободной и восхитительно легкой.

Страх был продиктован боязнью потерять доходы и мыслями о смене карьеры. Проработав три года, она зарабатывала 180 тысяч долларов в год – была базовая зарплата, к ней прибавлялись еще и весьма щедрые премиальные. Это были очень хорошие деньги, но жизнь в городе как-то умудрялась сжирать их. Половина отнималась в виде налогов. У нее имелся накопительный счет в банке, но откладывала она на него не слишком часто. Если тебе двадцать девять, ты одинока и свободна, живешь в городе, у тебя есть профессия и ты твердо знаешь, что на следующий год твои доходы превысят нынешнюю зарплату плюс премии, то стоит ли беспокоиться о каких-то там накоплениях? У нее был друг по Колумбийскому университету, он проработал в «Скалли энд Першинг» пять лет, недавно стал младшим партнером и зарабатывает в этом году полмиллиона долларов. И Саманта должна была пойти той же дорожкой.

Но у нее имелись и другие друзья – те, кому удалось вырваться из этого порочного круга через двенадцать месяцев, счастливо распрощаться с ужасным миром Большого Закона. Один теперь работал инструктором-горнолыжником в Вермонте. До этого он трудился редактором в «Коламбия ло ревью», затем – в «С энд П», ушел оттуда и теперь жил в хижине у ручья и редко отвечал на телефонные звонки. За какие-то тринадцать месяцев пребывания в фирме он превратился из амбициозного молодого сотрудника в почти невменяемого недоумка, спавшего за письменным столом. Успел вовремя уволиться и уехать из города. Саманта часто о нем вспоминала, обычно с некоторым оттенком зависти.

Облегчение, страх и унижение. Ее родители оплатили довольно дорогое подготовительное обучение в одной из престижных школ округа Колумбия. Затем она с отличием окончила университет в Джорджтауне и получила диплом в области политических наук. Потом безо всяких усилий поступила в юридический колледж, который тоже окончила с отличием. И тут же, после того как она прошла стажировку секретарем в федеральном суде, не меньше дюжины крупных фирм предложили ей работу. Словом, первые двадцать девять лет жизни ей сопутствовал почти оглушительный успех, поражений она не знала. То, что ее вышибли с треском и столь бесцеремонно, ужасно угнетало. А то, как ее выводили из здания под присмотром, казалось оскорбительным. Это была не какая-то мелкая шишка, которую можно набить за время в целом успешной карьеры.

Все же в цифрах можно было найти хоть какое-то утешение. Со времени падения «Леман» тысячи молодых профессионалов лишились работы. Несчастье лучше переживать вместе и все такое прочее, но в данный момент она не испытывала сострадания к кому бы то ни было.

– Карен Кофер, пожалуйста, – бросила Саманта в трубку. Она лежала на диване совершенно неподвижно, стараясь дышать ровно.

– Мам, это я. Они это сделали. Уволили меня. – Она закусила нижнюю губу, изо всех сил стараясь не расплакаться.

– Мне так жаль, Саманта. Когда это произошло?

– Примерно час назад. Вообще-то неудивительно, но верится с трудом.

– Понимаю, детка. И мне невероятно жаль.

За последнюю неделю они не говорили ни о чем другом, кроме как о возможном увольнении.

– Ты дома? – спросила Карен.

– Да, дома, и в полном порядке. Блит на работе. Я ей еще не говорила. Вообще никому пока не сказала.

– Мне страшно жаль.

Блит была ее подругой и сокурсницей еще по Колумбийскому колледжу, но работала в другой крупной фирме. Они снимали эту квартиру вместе, однако отделились друг от друга. Когда приходится вкалывать по семьдесят пять или сто часов в неделю, общаться особо некогда. Дела на фирме Блит тоже обстояли неважно, и она ожидала худшего.

– Со мной все хорошо, мам. Даже отлично.

– Ничего не отлично. Почему бы тебе не приехать домой на несколько дней?

Дом был своего рода движущейся мишенью. Мать снимала очаровательную квартиру неподалеку от Дюпон-серкл, отец арендовал небольшую квартиру в кондоминиуме рядом с рекой в Александрии. Ни в одном из жилищ Саманте не удавалось продержаться больше месяца. А уж сейчас... об этом и речи быть не могло.

– Обязательно приеду, – сказала она, – только позже.

Последовала долгая пауза, затем мама осторожно спросила:

– Какие у тебя планы, Саманта?

– Никаких планов, мам. Сейчас я просто в шоке и дальше чем на ближайший час планировать не в состоянии.

– Понимаю. Жаль, меня нет рядом.

– Все будет нормально, мам. Обещаю. – Последнее, чего ей хотелось в этот момент, так это чтобы мать стояла над душой и давала бесконечные советы, как быть и что делать дальше.

– Тебя уволили окончательно или это временное явление?

– Фирма называет это неоплачиваемым отпуском. Год или два мы числимся в штате, даже сохраняем за собой медицинскую страховку, но зарплаты не получаем. Ну а потом, если все наладится, фирма обещает взять нас обратно на ту же должность.

– Напоминает какие-то жалкие усилия удержать вас на поводке. – Спасибо, мамочка, за прямоту. – Карен меж тем не унималась: – Почему ты не послала этих негодяев куда подальше?

– Потому что хотела сохранить медицинскую страховку. И еще хотелось быть уверенной в том, что однажды смогу вернуться.

– Ты можешь найти работу где-то еще. – Мать говорила прямо как заправский бюрократ.

Карен Кофер работала старшим юристом в Министерстве юстиции в Вашингтоне. Всю жизнь проработала там и до сих пор трудилась – вот уже на протяжении тридцати лет. Положение она, как и все ее коллеги, занимала прочное. Несмотря на экономические депрессии, войны, смены правительств, катастрофы национального масштаба, политические волнения и прочие всевозможные бедствия, Карен Кофер регулярно получала зарплату. Именно этим и объяснялось высокомерие множества окопавшихся в своих траншеях бюрократов. *Нас надо ценить, потому что мы абсолютно незаменимы.*

– Нет, мам, – сказала Саманта, – сейчас хорошей работы не найти. Если ты не в курсе или просто забыла, могу напомнить: у нас в стране финансовый кризис, недалеко и до депрессии. Юридические конторы то и дело вышвыривают сотрудников на улицу и запирают двери.

– Ну, не знаю. Сомневаюсь, чтоб дела обстояли так уж плохо.

– Да неужели? В «Скалли энд Першинг» отменили набор новых служащих, а это означает, что дюжина или около того самых талантливых выпускников юридического отделения Гарварда получают уведомления о том, что мест, которые им обещали в сентябре, нет. То же самое касается Йеля, Стэнфордского и Колумбийского университетов.

– Но ведь ты у меня такая талантливая, Саманта.

Спорить с бюрократом бесполезно. Саманта глубоко вздохнула и уже собиралась вежливо распрощаться, когда у Карен прорезался срочный звонок «из Белого дома» и она сказала, что ей надо бежать. Обещала перезвонить тотчас же, как только спасет республику.

– Хорошо, мамочка, – только и осталось сказать Саманте.

Грех было жаловаться, что мать не уделяет ей должного внимания. Саманта была единственным ребенком – в ретроспективе не так уж и плохо, особенно в свете того, что утлую лодочку ее взаимоотношений с родителями так и швыряло по волнам то вверх, то вниз, особенно после того, как они развелись.

День выдался такой ясный, солнечный, погожий, что Саманта решила прогуляться. Она зигзагом двигалась по Сохо, затем – по Вест-Виллидж. Зашла в пустующее кафе и только оттуда позвонила наконец отцу. Маршал Кофер некогда был высокопрофессиональным юристом обвинения, именно от его заключений напрямую зависело, на какую сумму должны оштрафовать авиакомпанию, самолет которой потерпел катастрофу. Затем он создал весьма агрессивную и успешную фирму в округе Колумбия и шесть дней в неделю проводил в гостиницах и самолетах, мотаясь по миру. Занимался расследованиями, представлял интересы пострадавших в судах. Он сколотил целое состояние, сорил деньгами, и еще девочкой Саманта отчетливо ощущала, что ее семья гораздо богаче, чем семьи других детей, с которыми она училась в подготовительной школе округа Колумбия. Отец брался то за одно важное и прибыльное дело, то за другое, мама умудрялась потихоньку воспитывать единственную дочь, но при этом не упускала шанса продвинуться по карьерной лестнице в Министерстве юстиции. Если родители и ссорились, Саманта об том не знала; к тому же отца почти никогда не было дома. В какой-то момент – никто уже точно не помнил, когда именно, – в эту картину вписалась молоденькая и хорошенькая помощница с неполным юридическим образованием, и Маршал не устоял. Загул перешел в интрижку, интрижка – в роман, и года через два Карен что-то заподозрила. И стала предъявлять претензии мужу, который поначалу все отрицал, но потом сознался. И еще он хотел развода – мотивировал это тем, что встретил наконец настоящую любовь всей своей жизни.

Примерно в то же время, когда в семейной жизни Коферов наступил разлад, Маршал – по случайному совпадению или нет – принял еще несколько неверных решений. Одно из них было связано со схемой получения более высоких доходов через офшоры. В Шри-Ланке разбился «Боинг-747» компании «Юнайтед эйрлайнс» с сорока американцами на борту. Все пассажиры погибли, и Маршал Кофер умудрился прибыть на место катастрофы первым. Во время переговоров с заинтересованными сторонами он создал несколько фиктивных компаний на Карибах и в Азии, куда можно было переводить деньги, те переводили их друг другу со счета на счет, и проследить за его солидными доходами было сложно.

У Саманты была папка, где хранились газетные вырезки и отчеты по расследованию столь неуклюжей коррупционной деятельности отца. На основе этих материалов можно было бы написать весьма увлекательную книгу, но Саманта не была в этом заинтересована. Отца схватили за руку, он был унижен, его снимками пестрели газетные полосы. Затем его судили и приговорили к трем годам заключения. Из тюрьмы он вышел досрочно за две недели до того,

как она окончила университет в Джорджтауне. Сейчас Маршал работал консультантом в ряде мелких фирм в старой части города Александрия. Он говорил, что консультировал юристов, занимавшихся расследованием случаев нарушения гражданских прав, но в подробности не вдавался. Саманта, как и мать, была убеждена, что Маршалу все же удалось припрятать часть нечестно нажитых доходов где-то на Карибах. Впрочем, Карен уже давно прекратила поиски.

Маршал всегда подозревал жену. Карен все отрицала, но сам он был твердо убежден: его бывшая приложила руку к его аресту. Она занимала высокий пост в Министерстве юстиции, знала все ходы и выходы, у нее было много влиятельных друзей.

– Папа, меня уволили, – тихо сказала Саманта в трубку.

Посетителей в кафе не было, но в этот момент мимо как раз проходил бармен.

– О, Сэм, мне так жаль, – сказал Маршал. – Расскажи толком, что произошло.

Насколько она могла судить, тюрьма научила отца только одной важной вещи. Не состраданию, не терпению, не пониманию, не стремлению прощать или унижить кого-то – словом, ничему тому, что обретает человек, потерпевший подобную жизненную катастрофу. Он остался все таким же жестким и амбициозным, по-прежнему стремился проживать каждый день на полную катушку и сметать любое препятствие, появлявшееся у него на пути. Но по некой неясной причине Маршал Кофер научился прислушиваться хотя бы к собственной дочери. Саманта принялась неспешно рассказывать, он внимал каждому ее слову. Она уверяла его, что все будет нормально. В какой-то момент ей даже показалось, что он вот-вот заплачет.

Обычно он отпускал ехидные замечания по поводу того, насколько неудачное место она выбрала для юридической деятельности. Он ненавидел большие фирмы, потому что боролся с ними на протяжении долгих лет. Он считал их бездушными корпорациями, где нет места подлинному партнерству, нет настоящих юристов, борющихся за интересы своих клиентов. Под рукой у него всегда была импровизированная трибуна, встав на которую, он мог прочесть дюжину проповедей о том, каким злом является Закон с большой буквы. Саманта слышала их все, и у нее не было ни малейшего желания выслушивать их снова.

– Может, мне приехать к тебе, Сэм? – спросил он. – Смогу быть через три часа.

– Нет, пап, спасибо, сейчас не стоит. Дай мне денек-другой. Хочу устроить себе маленькие каникулы, выбраться из города хотя бы на несколько дней.

– Могу поехать с тобой.

– Было бы славно, но только не сейчас. Я в полном порядке, пап, честное слово.

– Ничего ты не в порядке. Тебе нужен отец.

Странно было слышать это от человека, который практически всегда отсутствовал на протяжении первых двадцати лет ее жизни. Но он хотя бы сделал попытку.

– Спасибо, папа. Позже перезвоню. Надо уладить кое-какие дела.

– Я мог бы устроить тебя на работу, – сказал он. – Хорошую, настоящую работу.

Ну вот, снова завел свою шарманку, подумала она, но промолчала. Отец не раз уговаривал ее заняться настоящим делом, то есть попытаться прищучить крупные корпорации за все совершенные ими злодеяния. По мнению Маршала Кофера, каждая компания определенного уровня совершает множество вопиющих грехов, чтоб преуспеть в жестоком мире западного капитализма. И он считал долгом всех юристов (возможно, даже бывших юристов), в том числе и своим, разоблачать зло и подавать иски против этих фирм целыми пачками.

– Спасибо, пап. Позже перезвоню.

Вот ирония судьбы. С упорством, достойным лучшего применения, отец стремился подключить ее к работе в той ветви юриспруденции, из-за которой сам оказался в тюрьме. Но Саманта никогда не проявляла интереса к судебным заседаниям или конфликтам. Она сама не до конца понимала, чего именно хотела – возможно, какой-нибудь спокойной работы за письменным столом с хорошей зарплатой. Благодаря гендерному подходу и незаурядному уму

у нее появился вполне реальный шанс стать партнером в «Скалли энд Першинг». Но чем это закончилось?

Возможно, ей нужна именно такая карьера, а может, и нет. Прямо сейчас ей хотелось одного – побродить по улицам Нижнего Манхэттена, проветриться, чтоб в голове хоть немного прояснилось. Она брела по Трайбеке³, шли часы. Два раза звонила мать, один раз – отец, но отвечать ему она не стала. Изабель и Бен тоже звонили, но ей не хотелось с ними говорить. Неподалеку от Чайнатауна она оказалась у паба под названием «У Моука», остановилась, заглянула в витрину. Вспомнила, как они с Генри впервые выпивали именно в этом пабе, и ей показалось, что с тех пор прошло сто лет. Познакомились они у общих друзей. Генри был подающим надежды актером, одним из миллиона в этом городе, а она тогда только что поступила на службу в «Скалли энд Першинг». Они встречались около года, потом их отношения рухнули, не выдержав ее загруженности на работе и его безработицы. Генри улетел в Лос-Анджелес, где, по последним сведениям, работал шофером, возил в лимузинах неизвестных актеров, ну и еще немного подрабатывал на стороне, а вот чем именно – не говорил.

При других обстоятельствах она могла бы полюбить Генри. Он располагал временем, привлекательной внешностью, был страстным. А она слишком выматывалась на работе. Явление для женщин, служащих Закону с большой буквы, не столь уж и редкое. Когда им исполняется сорок, они однажды просыпаются и осознают, что по-прежнему одиноки и десять лет прошли как один миг.

Она отошла от паба «У Моука» и направилась на север, в Сохо.

Анна, сотрудница службы занятости, оказалась на удивление расторопна. В пять вечера Саманта получила пространное электронное сообщение с указанием адресов и названий десяти некоммерческих организаций, которые некто счел самым подходящим местом работы для не претендующих на заработок израненных и оскорбленных душ, вдруг вылетевших из крупнейшей в мире юридической фирмы. Консультант по правовым вопросам в заповеднике в Лафайете, штат Луизиана. Приют для женщин, подвергшихся домашнему насилию, в Питсбурге. Организация «Иммигрантские инициативы» в Тампе. Центр бесплатной юридической помощи неимущим клиентам в Брэйди, штат Виргиния. Общество сторонников эвтаназии из Туксона в Аризоне. Организация помощи бездомным в Луисвилле. Фонд защиты озера Эри. Ну и так далее. Все эти десять вакансий находились в местах, весьма отдаленных от Нью-Йорка.

Саманта долго смотрела на список и прикидывала, стоит ли ей уезжать из города. Она прожила здесь шесть из семи последних лет – три года училась в Колумбийском университете, затем три года проработала в фирме. Какое-то время по окончании учебы работала помощницей федерального судьи в округе Колумбия, но вскоре вернулась в Нью-Йорк. Между жизнью в Вашингтоне и Нью-Йорке без колебаний выбрала последнее.

Но Лафайет в Луизиане? Или Брэйди, штат Виргиния?..

Слишком скучным для столь значимого выбора языком эта Анна пыталась убедить уволенных, что вышеуказанные должности в некоммерческих организациях долго ждать никого не будут, слишком уж их мало. Иными словами – или быстро соглашайся, или позже может и не подвернуться случай переехать в эту дыру и проработать весь следующий год пусть за мизерную, но все же какую-то зарплату. Но Саманта была слишком потрясена, чтоб принимать столь поспешные решения.

Заскочила Блит – поздороваться и разогреть пасту в микроволновке. Саманта уже успела отправить ей эсэмэску с печальными новостями, и ее подруга и соседка по квартире чуть не плакала. Впрочем, через несколько минут Саманте удалось ее успокоить и заверить в том, что жизнь продолжается. Фирма, где трудилась Блит, представляла собой группу контор по сдаче

---

³ Престижный и романтический район Нью-Йорка.

недвижимости под залог, и настроение там царило столь же мрачное, как и в «Скалли энд Першинг». Вот уже несколько дней подруги говорили только о грядущем увольнении. Блит еще не съела и половины пасты, как у нее затрезвонил мобильник. Ее разыскивал партнер-супервайзер. И вот в 18.30 она пулей вылетела из квартиры, торопясь в контору и опасаясь, что ее могут уволить даже за малейшее опоздание.

Саманта налила себе бокал вина, наполнила ванну горячей водой. Лежала, отмокала, отпивала из бокала и наконец пришла к выводу, что, несмотря на приличный заработок, ненавидит Закон с большой буквы и никогда не вернется в эту контору. И никогда больше не позволит, чтобы на нее орали только потому, что ее нет на работе после заката или перед восходом солнца. Она никогда больше не соблазнится большими деньгами. Она никогда больше не будет... много чего делать.

С финансовой точки зрения дела обстояли не блестяще, но и не так уж плохо. На счету у нее около 31 тысячи долларов, долгов нет, если не считать трехмесячного взноса за аренду квартиры. Если поджаться, начать экономить, ну и еще подрабатывать где-то понемногу, то, возможно, удастся переждать эту бурю. При том условии, разумеется, что не наступит конец света. Она не видела себя в роли официантки или продавщицы обуви, но, с другой стороны, никогда, даже в страшном сне, не могла представить, что ее столь успешная карьера оборвется так внезапно. Да весь город скоро наводнят официантки и продавцы с дипломами о высшем образовании.

Ладно, вернемся к Закону с большой буквы. У нее была цель где-то годам к тридцати пяти стать партнером фирмы, оказаться одной из немногих женщин на самой верхушке этой пирамиды, занять отдельный угловой офис, где бы она сражалась, играла в жесткие игры с парнями. Там у нее был бы секретарь, помощник, несколько юристов-выпускников на подхвате, водитель по вызову, золотая кредитная карточка и дизайнерский гардероб. Лишь тогда сто четыре тяжелых рабочие недели могли бы превратиться в нечто стоящее. Она зарабатывала бы минимум два миллиона в год, пробыва бы на этой должности лет двадцать, потом вышла на пенсию и путешествовала по миру. А где-то на этом пути могла бы подцепить мужа, обзавестись парой ребятишек, и тогда можно было бы считать, что жизнь удалась.

Но все эти планы превратились в прах.

Они с Изабель договорились выпить мартини в холле отеля «Мерсер», в четырех кварталах от ее дома. Пригласили и Бена, но тот недавно женился, к тому же был не в настроении. Отправка в вынужденный неоплачиваемый отпуск по-разному отражалась на людях. Саманта старалась вообще не заикливаться на этом, строила планы, как выжить. Ей повезло, у нее не было долгов за обучение. У родителей оказалось достаточно денег, чтоб дать ей отличное образование. А вот Изабель просто задыхалась под грудой старых долгов и с ужасом смотрела на будущее. Жадно пила мартини, и спиртное быстро ударило ей в голову.

– Я без зарплаты и года не протяну, – нервно сказала она. – А ты?

– Ну, возможно, – ответила Саманта. – Если экономить на всем, питаться только супом, как-нибудь продержусь. И из города уезжать не собираюсь.

– У меня не получится, – грустно заметила Изабель и отпила еще глоток. – Знаю одного парня из отдела судопроизводства. Его отправили в отпуск в прошлую пятницу. Так вот, он обзвонил пять некоммерческих организаций, и везде ему говорили, что место уже занято. Можешь представить? Тогда он позвонил в службу занятости и устроил скандал, и там сказали, что продолжают работать над списками, отправляют запросы в разные некоммерческие организации в поисках самых низкооплачиваемых должностей. Мало того, что нас увольняют, эта их схема по трудоустройству ни черта не работает. И никому мы не нужны, даже если согласимся работать вообще бесплатно. Плохи наши дела.

Саманта отпила маленький глоток, подержала жидкость на языке, почувствовала легкое онемение.

– Я не намерена соглашаться на этот чертов отпуск.

– А как же тогда медицинская страховка? Хочешь остаться голой и совсем незащищенной?

– Может, и хочу.

– Но если заболеешь, тогда вообще все потеряешь.

– Терять особенно нечего.

– Но это просто глупо, Сэм! – Последовал еще один глоток мартини, на этот раз поменьше. – Выходит, ты напрочь отказываешься от блестящих перспектив в «Скалли энд Першинг»?

– Фирма от меня отказалась. Я ей не нужна, как и ты, и многие другие. Надо найти место работы получше, придумать лучший способ зарабатывать на жизнь.

– Давай за это и выпьем.

Возникла официантка, и они заказали по еще одному мартини.

Глава 3

Саманта проспала часов двенадцать и проснулась с желанием немедленно уехать из этого города. Лежа в постели и разглядывая старые деревянные лучи перекрытий на потолке, она вдруг поняла, что не выезжала с Манхэттена вот уже семь недель. Долгий августовский уик-энд в Саутхемптоне бесцеремонно прервал Энди Грабмен, и вместо того чтоб отсыпаться и ходить на вечеринки, всю субботу и воскресенье она корпела в офисе, перечитывая и анализируя пачку контрактов в фут толщиной.

Семь недель. Она быстро приняла душ, запихала в чемодан самое необходимое и ровно в десять утра села в поезд на Пенн-стейшн, перед этим отправив голосовое сообщение на мобильник Блит. Она едет в округ Колумбия на несколько дней. «Позвони, если тебя вышибут с работы».

Поезд катил по Нью-Джерси, и тут ею овладело любопытство. Она отправила имейл в Фонд защиты озера Эри, а потом еще один – в приют для женщин в Питсбурге. Прошло минут тридцать. Никто не отвечал, она читала «Таймс». Ни слова о массовом кровопускании в «Скалли энд Першинг», хотя разговоры об экономическом спаде не стихали. Массовые увольнения в финансовых учреждениях. Одни банки отказываются выдавать кредиты, другие просто закрываются. Конгресс гоняется за собственным хвостом. Обама во всем винит Буша. Маккейн/Пейлин⁴ возлагают ответственность на демократов. Она проверила почту в ноутбуке и увидела еще одно сообщение от неунывающей Анны из службы занятости. Образовалось шесть новых вакансий в некоммерческих организациях. Так что добро пожаловать на работу!

Из женского приюта пришло очень вежливое сообщение. Они благодарили мисс Кофер за проявленный интерес, но место, к сожалению, уже занято. Через пять минут храбрые ребята, борющиеся за спасение озера Эри, ответили примерно так же. Саманта приняла вызов, отслала имейлы по пяти новым адресам, возникшим в списке Анны, затем отправила сообщение ей самой, в котором вежливо советовала тщательнее проверять данные. Где-то на полпути между Филадельфией и Уилмингтоном защитники болот в Луизиане сказали ей «нет». Проект под названием «Сохраним невинность» из Джорджии – тоже. «Иммигрантские инициативы» в Тампе ответили отказом. Не осталось вакансий в «Клиринговой палате по контролю за вынесением и исполнением смертных приговоров», а также в «Бесплатной юридической помощи» из Сент-Луиса. Нет, но огромное вам спасибо за проявленный интерес. Все вакансии уже заняты.

Семь организаций, а результат ноль. Даже волонтером никуда не устроишься!

Выйдя из поезда на вокзале «Юнион-стейшн», располагавшемся неподалеку от Капитолия, она взяла такси, уютно устроилась на заднем сиденье и смотрела в окно, пока машина пробиралась в потоке. Куда ни глянь, правительственные здания тянутся квартал за кварталом, штаб-квартиры тысяч разных организаций и ассоциаций, затем пошли отели, сверкающие новенькие кондоминиумы, просторные офисные здания, битком набитые юристами и лоббистами. Тротуары так и кишат людьми, все куда-то торопятся, снуют взад-вперед, стремятся преуспеть в своем бизнесе в то время, как мир повис на краю пропасти. Первые двадцать два года жизни она провела в округе Колумбия, но сейчас эта жизнь казалась ей такой скучной! Нет, разумеется, она привлекала талантливых и умных молодых людей, но все они говорили только о политике и недвижимости. Лоббисты – вот худшая человеческая порода. Их расплодилось просто немерено, по численности они превосходили юристов и политиков, вместе взятых, именно они и правили этим городом. Это они главенствовали в конгрессе и контролировали денежные потоки и за коктейлями и обедами до смерти утомляли вас подробностями своих

---

⁴ Сара Пейлин – американский политик, была губернатором Аляски с 2006 по 2009 г.

последних героических усилий по обеспечению населения свининой или переписки какой-то закорючки в налоговом законодательстве. Все друзья ее детства и однокашники по Джорджтауну получали зарплату, к которой были приплюсованы федеральные доллары. Да что там далеко ходить, ее мать получала 145 тысяч в год, работая юристом в Министерстве юстиции.

Саманта не знала, как именно зарабатывает деньги отец. Она решила вначале заехать к нему. Мама торчала на службе весь день, до темноты домой точно не вернется. Саманта заскочила на квартиру к матери, оставила там чемодан, потом на том же такси поехала через Потомак в так называемый Старый город в Александрии. Отец уже ждал, встретил ее улыбкой и крепкими объятиями. Он успел переехать в куда более симпатичное новое здание и переименовать свою фирму в «Кофер групп».

– Звучит как шайка лоббистов, – заметила Саманта, оглядывая просторную приемную.

– О нет, – возразил ей Маршал. – Мы стараемся держаться от этого цирка подальше. – И он махнул рукой в сторону окна с таким видом, точно считал весь округ Колумбия каким-то гетто. Затем они двинулись по коридору, и он распахивал двери и показывал маленькие офисы.

Так чем именно ты занимаешься, папочка? Но она решила отложить этот вопрос на потом. Он провел ее в просторный угловой кабинет с видом на реку Потомак, правда, отдаленным, но не таким, как у Энди Грабмена из той, уже прежней ее жизни. Они уселись в кожаные кресла за журнальным столиком, отец попросил секретаршу принести кофе.

– Ну, как ты? – с искренним беспокойством спросил он и положил ей руку на колено, точно она только что упала с лестницы.

– Я в порядке, – ответила Саманта и вдруг почувствовала, что в горле встал ком. «Держись, не позволяй себе этого». Она сглотнула и продолжила: – Это произошло так внезапно. Месяц назад дела шли просто прекрасно, все катилось по накатанной дорожке, никаких проблем. Да, работы было много, но ведь любая такая контора – это соковыжималка, сам знаешь. А потом вдруг поползли слухи. Отдаленный бой барабанов, возвещающий об опасности. Ну а затем все рухнуло. Так неожиданно.

– Да, именно. Прямо как гром среди ясного неба.

Секретарша внесла кофе на подносе, поставила на столик и затворила за собой дверь.

– Читала Тротмена? – спросил он.

– Кого?

– Раз в неделю публикует аналитические заметки в прессе о рынках и политике. Вот уже какое-то время живет здесь, в округе Колумбия, и очень хорош в своем деле. Полгода тому назад предсказал кризис банковской ипотечной системы, написал, что предпосылки к нему складывались годами, ну и так далее. Говорил, что этот пузырь непременно лопнет и тогда наступит масштабная рецессия. И посоветовал всем игрокам уходить с рынков, со всех рынков.

– И ты ушел?

– Ну, вообще-то я никогда не был привязан к рынкам. А если б и был, вряд ли последовал бы его совету. Ведь полгода назад все мы жили в счастливом заблуждении, что все стабильно, что цены на недвижимость никогда не упадут. Кредиты были дешевы, как грязь, все кругом только и делали, что брали займы. Пределов не было.

– Ну а что теперь говорит Тротмен?

– Не ликует по поводу своей правоты, просто советует властям, что надо делать. Он предсказал масштабную рецессию и мировой финансовый кризис, но непохожий на депрессию 1929 года. Он считает, что рынки рухнут наполовину, сильно возрастет безработица, выборы в ноябре выиграют демократы, пара крупных банков обанкротятся, в обществе будут царить страх и неуверенность, но мировая экономика выживет. А что говорят у вас, на Уолл-стрит? Ведь ты находишься в самой гуще событий. Вернее, находилась.

На нем были черные мокасины с кисточками – любимая его обувь. Темный костюм, возможно, пошит на заказ, как и в те дни, когда он процветал. Из камвольной шерсти, очень доро-

гой. Шелковый галстук с безупречным узлом, на манжетах запонки. Когда Саманта впервые навестила отца в тюрьме, на нем была рубашка цвета хаки и грязно-оливковый комбинезон, стандартная тюремная роба, и он жаловался, что жутко скучает по своему привычному гардеробу. Маршал Кофер всегда любил хорошую одежду, и вот теперь, судя по всему, вновь мог тратить на нее немало денег.

– Да ничего, только паника, – сказала она. – Вчера, если верить «Таймс», двое покончили самоубийством.

– Да, кстати, а ты завтракала?

– Съела сэндвич в поезде.

– Тогда приглашаю тебя пообедать.

– Сегодня обещала пообедать с мамой, а вот завтра можем пойти с тобой на ленч.

– Договорились. Ну как там Карен? – спросил он.

Послушать его, так можно подумать, что родители по-приятельски болтают по телефону минимум раз в месяц. А по словам матери, созванивались они не чаще раза в год. Маршал хотел бы наладить дружеские отношения с бывшей супругой, но у Карен всегда находилась отговорка – слишком занята. И Саманта никогда не пыталась установить между ними перемирие.

– Думаю, что в полном порядке. Много работы и все такое прочее.

– С кем-нибудь встречается?

– Я не спрашиваю. Ну а у тебя как на личном фронте?

Молодая и хорошенькая помощница бросила Маршала через два месяца после того, как он оказался в тюрьме, так что он уже много лет жил в одиночестве. В одиночестве, но редко один. Ему было уже почти шестьдесят – все еще крепкий стройный мужчина с красивой сединой в волосах и сражающей наповал улыбкой.

– О, я все еще в игре, – ответил он со смешком. – Ну а ты? Есть кто стоящий на примете?

– Нет, пап, боюсь, что нет. Последние три года словно в пещере прожила. И жизнь пролетала мимо. Мне двадцать девять, и я вновь превратилась в девственницу.

– Нечего было поступать на эту работу. Ты здесь надолго?

– Только что приехала. Так что пока не знаю. Я говорила тебе об этой их схеме, отпуске без содержания. Так вот, думаю отказаться.

– Иными словами, ты добровольно уходишь на год, а потом можешь поступить на ту же работу в той же должности?

– Ну да, вроде того.

– Плохо пахнет. Ты ведь не доверяешь этим ребятам, верно?

Она глубоко вздохнула, отпила глоток кофе. Беседа принимала оборот, которого она опасалась, просто не могла говорить на тему, от которой уже тошнило.

– Нет, не очень. Честно скажу, не доверяю партнерам, которые управляют «Скалли энд Першинг». Нет.

Отец уже радостно кивал, был с ней полностью согласен.

– И ты действительно не хочешь возвращаться к ним, ни сейчас, ни по истечении двенадцати месяцев? Я правильно понимаю?

– Не знаю, как буду относиться к этому через двенадцать месяцев, но не слишком верю в светлое будущее нашей фирмы.

– Верно, верно. – Он поставил чашку с кофе на стол, наклонился вперед. – Послушай, Саманта, могу предложить тебе работу здесь, у меня. Оплачивается прекрасно, будет чем заняться год или около того. Ну, до тех пор, пока ситуация не прояснится. Не знаю, может, и решишь остаться, может, нет, но времени будет достаточно, чтобы определиться. Это не связано с чисто юридической деятельностью... впрочем, не слишком уверен, что ты занималась только ею последние три года.

– Мама говорила, что у тебя два партнера и оба лишены адвокатских лицензий.

Он изобразил смешок: правда была не слишком лицеприятна.

– Неужели? Карен так говорит? Вообще-то верно, Саманта, нас тут всего трое, все были осуждены, приговорены, лишены адвокатских лицензий, отсидели сроки. Но, к счастью, полностью реабилитированы.

– Прости, пап, но как-то не представляю себе работу в фирме, которой руководят три лишенных лицензий адвоката.

Улыбка на лице Маршала увяла. Он ссутулился, опустил плечи.

– Это ведь не юридическая фирма, верно?

– Нет. Мы не практикуем, потому что лицензий так и нет.

– Тогда чем же вы занимаетесь?

Он резко откинулся на спинку кресла и ответил:

– Мы зарабатываем кучу денег, дорогая. Работаем консультантами.

– Консультировать может каждый, пап. Кого именно консультируете, чем помогаете?

– Знакома с таким понятием, как спонсоры судебных тяжб?

– Боюсь, нет. Точно не скажу.

– Тогда слушай. Спонсоры судебных тяжб – это частные компании, которые собирают деньги от инвесторов с целью организовать крупную судебную тяжбу. Ну, к примеру, какая-нибудь маленькая фирма по программному обеспечению убеждена, что очень крупная фирма, ну, допустим, «Майкрософт», украла у них разработки. Но куда там маленькой фирмочке тягаться с такой акулой бизнеса, как «Майкрософт», и добиться, чтобы дело рассматривалось в судебном порядке. Это просто невозможно. И вот тогда маленькая фирма обращается в фонд, к спонсорам, они изучают дело и, если видят перспективу, выделяют весьма солидные суммы на оплату судебных расходов. Десять миллионов, двадцать миллионов, неважно, сколько именно. Это большие деньги. И, разумеется, этот фонд выговаривает себе процент на случай благоприятного исхода. Борьба идет честная, и чаще всего проблема решается в досудебном порядке. И наша работа состоит в том, чтобы консультировать эти самые фонды, советовать им, стоит ли ввязываться в конкретные дела. Далеко не все потенциальные иски можно довести до суда, даже в этой стране. И оба мои партнера – должен отметить, акционерами они не являются – также выступают экспертами по каждой конкретной судебной тяжбе, имеют право, пусть их и лишили адвокатских лицензий. И наш бизнес просто процветает, несмотря на эту так называемую рецессию. Вообще-то мы даже склонны считать, что нынешняя ситуация способствует процветанию нашего бизнеса. Многим банкам грозят судебные тяжбы, им предъявляют иски на огромные суммы.

Саманта молчала, пила кофе и напоминала себе, что слушает человека, который некогда на регулярной основе умащивал судей миллионными взятками.

– Ну, что скажешь? – спросил Маршал.

Все это звучит чудовищно, подумала Саманта. И продолжала хмуриться, словно пребывала в глубоком раздумье.

– Любопытно, – наконец выдавила она.

– Мы видим большой потенциал для роста, – сказал Маршал.

Да, и что касается трех бывших заключенных, – это лишь вопрос времени, когда за них возьмутся всерьез.

– Я ни черта не понимаю в этом спонсировании судебных тяжб, пап, – сказала она. – Всегда старалась держаться подальше. Я ведь больше по финансовой части, или забыл?

– Да ты быстро все освоишь. Я тебя научу, Саманта. Даже поймаешь кайф. Стоит только начать. Попробуй поработать хотя бы несколько месяцев, пока не разберешься, что к чему.

– Но ведь меня еще не лишили адвокатского звания, – заметила она. Тут оба они рассмеялись, хотя ничего смешного в этом не было. – Ладно, я подумаю, папа. Спасибо тебе.

– Ты прекрасно справишься, точно говорю. Сорок часов в неделю, прекрасный офис, славные люди. Уж куда как лучше, чем эти крысиные бега в Нью-Йорке.

– Но Нью-Йорк – это мой дом, пап. Нью-Йорк, а не округ Колумбия.

– Ладно, хорошо. Не буду на тебя давить. Предложение остается в силе.

– И я это ценю.

Тут в дверь постучала, а потом заглянула секретарша.

– Совещание в четыре, сэр.

Маршал взглянул на часы, нахмурился.

– Буду через минуту, – пообещал он, и секретарша исчезла.

Саманта взяла сумочку.

– Мне пора, – сказала она.

– Не спеши, дорогая. Можешь подождать меня здесь.

– Но ведь ты занят, а я не хочу мешать. Увидимся завтра за ленчем.

– Отлично проведем время. Передай привет Карен. И с ней тоже хотелось бы повидаться.

Тут никаких шансов.

– Конечно, папа. Ну, до завтра.

У двери они обнялись, и Саманта поспешила уйти.

Восьмой отказ пришел от общества защиты Чесапикского залива⁵ в Балтиморе, девятый – от каких-то активистов, отстаивающих уникальную рощу из секвой в северной Калифорнии. Никогда еще за всю свою успешную жизнь Саманта Кофер не получала от работодателей столько отказов ни за день, ни даже за неделю. И не была уверена, что перенесет еще и десятый.

Она пила кофе без кофеина в кофейне при книжном магазине «Крамербукс», что неподалеку от Дюпон-серкл, тянула время и обменивалась электронными сообщениями с друзьями. Блит еще не уволили, но все могло измениться в любую секунду. Ходили слухи, что ее фирма, четвертая по величине в мире, тоже увольняет сотрудников направо и налево и тоже придумала какую-то схему с неоплачиваемыми отпусками и предложениями поработать в некоммерческих организациях. Блит писала: «Вроде бы уже около 1000 человек вылетело, стучатся во все двери, ищут работу».

Саманте не хватало мужества признаться, что ее шансы на трудоустройство составляют ноль к девяти.

А затем вдруг прорезался номер десять. Это было краткое сообщение от некоей Мэтти Уатт из Центра бесплатной юридической помощи неимущим клиентам в Брэйди, штат Виргиния. «Если можете сейчас говорить, позвоните мне на мобильник». Тут же прилагался номер телефона. После девяти категоричных отказов это походило на приглашение на церемонию инаугурации.

Саманта глубоко вздохнула и отпила еще глоток кофе. Огляделась по сторонам – убедиться, что никто ее не слышит и что все посетители заняты своими делами, – и набрала номер телефона.

---

⁵ Этот залив находится в Атлантическом океане, у восточных берегов США, является самым крупным лиманом на континенте.

Глава 4

Центр бесплатной юридической помощи неимущим был низкобюджетной организацией и располагался в помещении заброшенного склада металлоизделий на Мейн-стрит городка Брэйди, штат Виргиния, с населением в двадцать две тысячи человек и тенденцией к неуклонному его снижению. Брэйди находился на юго-западе Виргинии, в Аппалачах, шахтерском районе. От процветающего округа Колумбия и окраин северной Виргинии Брэйди находился на расстоянии трехсот миль, а по развитию отставал лет на сто.

Мэтти Уатт была исполнительным директором центра со дня основания этой организации – то есть вот уже двадцать шесть лет. Она ответила на звонок и сухо бросила в трубку:

– Мэтти Уатт.

Робкий голосок на другом конце линии произнес:

– Это Саманта Кофер. Я только что получила ваш имейл.

– Спасибо за звонок, мисс Кофер. Я получила ваш запрос сегодня днем наряду с другими. Похоже, что дела в больших юридических фирмах складываются не лучшим образом.

– Пожалуй, что так.

– Что ж, у нас никогда не было интерна из крупной нью-йоркской фирмы, но такая помощь, безусловно, здесь не лишняя. У нас хватает бедных людей с серьезными проблемами. Никогда не бывали на юго-западе Виргинии?

Саманта не бывала. Ей довелось повидать мир, но до Аппалачей она так и не добралась.

– К сожалению, нет, – вежливо ответила она.

Голос Мэтти звучал приветливо, и Саманта решила, что эта дамочка оценит хорошие манеры.

– Стало быть, небольшая встряска вам не повредит, – заметила Мэтти. – Послушайте, мисс Кофер, сегодня мне прислали сообщения три претендента, но трех мест для каких-то неизвестных новобранцев у нас нет, понимаете, о чем я? Так что единственный способ выбрать – это собеседование. Не могли бы вы приехать, заодно и оглядеться? Те двое сказали, что постараются. Один вроде бы из вашей фирмы.

– Да, конечно, я смогу приехать, – сказала Саманта. А что еще она могла сказать? Любой намек на то, что ей не слишком хочется тащиться в какую-то дыру – и она получит уже десятый по счету отказ. – Когда вам было бы удобно?

– Завтра, послезавтра, когда хотите. Не думаю, что меня завалят предложениями уволенные из крупных фирм юристы, ведь работа не оплачивается. Однако внезапно возникла конкуренция за такие места, потому, думаю, чем скорее, тем лучше. Нью-Йорк отсюда не близко.

– Вообще-то я сейчас в Вашингтоне. Так что, наверное, смогу быть завтра днем.

– Идет. У меня не так много времени на собеседования, а потому, скорее всего, найму первого, кто появится, а остальные получают отказ. Но, конечно, при условии, что мне этот первый понравится.

Саманта на секунду-другую зажмурилась и попыталась представить все в перспективе. Буквально вчера утром она явилась в свой офис в крупнейшей юридической фирме, которая прекрасно ей платила и обещала долгую и успешную карьеру. И вот теперь, через тридцать часов, она, безработная, сидит в кафе при магазине «Крамербукс» и пытается устроиться на временную неоплачиваемую работу в какой-то провинциальной дыре, куда не ступала нога цивилизованного человека.

Мэтти меж тем продолжила:

– Ездила в прошлом году на конференцию в Вашингтон, дорога заняла шесть часов. Как думаете, успеете подъехать завтра к четырем дням?

– Конечно. Тогда до завтра. И спасибо вам, мисс Уатт.

– Нет, это вам спасибо, и еще я просто Мэтти.

Саманта порылась в Интернете и нашла сайт этой компании по оказанию юридической помощи. Миссия ее была проста: «Оказание бесплатных юридических услуг клиентам с низкими доходами в юго-западном районе Виргинии». Сфера услуг тоже была определена достаточно четко – в области семейных споров, снижения долговых обязательств, в медицинской помощи и образовании, а также в получении пособий в случае тяжелых легочных заболеваний. Ее юридическое образование с натяжкой соответствовало нескольким из этих пунктов, ее карьера – никоим образом. Криминальными вопросами контора не занималась. Помимо Мэтти Уатт в ней трудились: еще один адвокат, помощник без диплома юриста и секретарь в приемной – все женщины.

Поначалу Саманта решила, что неплохо было бы обсудить все с мамой, но затем отказалась от этой идеи. Своей машины у нее не было, да и, если уж быть до конца честной, страшно не хотелось тратить время на поездку до Аппалачей. Куда как привлекательней работать официанткой в Сохо. Она посмотрела в ноутбук, где возник еще один вежливый отказ – от приюта для бездомных в Луисвилле. Десять отказов за день! Нет, это уж слишком, придется отказаться от идеи спасения мира.

Карен Кофер приехала в «Фаерфлай» в начале восьмого. Обняла свою единственную дочь, глаза ее увлажнились, и слова сочувствия снова полились потоком. Саманта попросила ее остановиться. Они подошли к стойке, заказали по бокалу вина и пили его в ожидании, когда им подготовят столик. Карен было пятьдесят пять, и старела она красиво. Большую часть наличных тратила на наряды и всегда была одета не просто модно, а даже шикарно. Насколько Саманта помнила, мать всегда сетовала на отсутствие стиля в одежде своих коллег по министерству, видно, считала, что должность обязывает. Вот уже десять лет она была в разводе, недостатка в поклонниках не испытывала, но найти единственного дорогого сердцу мужчину почему-то не получалось. Ни один не годился по той или иной причине. По привычке она смерила дочь взглядом с головы до пят, от сережек до туфель, и, судя по всему, осталась недовольна. Без комментариев. Но Саманте было все равно. В эти тяжелые дни ее волновало совсем другое.

– Папа передавал тебе привет, – сказала она в надежде повернуть беседу в другое русло, а не выслушивать, какие вопросы сегодня обсуждались в министерстве.

– О, так вы виделись? – Карен приподняла брови – радар просигналил тревогу.

– Да. Заходила к нему в офис. Похоже, дела у него идут неплохо, выглядит отлично и, по его словам, расширяет бизнес.

– Тебе работу предлагал?

– Да. Хоть завтра могу выйти. Сорок часов в неделю, свой кабинет, вокруг прекрасные люди.

– И все до одного лишены права вести адвокатскую деятельность. Тебе это известно?

– Да, он сказал.

– Строят из себя законопослушных овечек. Надеюсь, ты не собираешься поступать на работу к Маршалу. Это банда воров, и вскоре их шайку-лейку наверняка прикроют.

– Ты что, за ними следишь?

– Ну, скажем, у меня есть друзья, Саманта. Много друзей, и работают они в нужных местах.

– И ты хочешь, чтоб он снова сел?

– Упаси бог, дорогая. Я с твоим отцом покончила раз и навсегда. Мы расстались давным-давно, мне понадобилось немало времени, чтобы пережить это. Он утаил доходы, обманул меня при разводе. Но я махнула на это рукой. На жизнь не жалуюсь, все у меня отлично, и не хочу тратить энергию на Маршала Кофера.

Они потягивали вино из бокалов и смотрели, как суетится за стойкой бармен, симпатичный парень лет двадцати с небольшим в черной, обтягивающей фигуру футболке.

Метрдотель подвел их к столику, официант поставил графин воды со льдом. Они остались вдвоем, и Карен сказала:

– Мне так жаль, Саманта. До сих пор не могу в это поверить.

– Ну, мама, пожалуйста! Не надо больше об этом.

– Понимаю. Но я ведь твоя мать, и я так огорчена, что ничего не могу с собой поделать.

– Послушай, не одолжишь мне машину на пару дней?

– Да, конечно, бери. С чего это тебе вдруг понадобилась моя машина?

– В Брэйди, штат Виргиния, есть контора по оказанию юридической помощи. Ну, одна из благотворительных организаций в моем списке. Вот и подумываю съездить туда, осмотреться. Возможно, это напрасная трата времени, но делать все равно особенно нечего. И завтра тоже. Так почему бы не съездить, а заодно хоть немного проветриться?

– Но бесплатная юридическая помощь?..

– Почему нет? Там будет собеседование для интернов. Если не получу это место, останусь безработной. Если получу, смогу уйти в любое время, если не понравится.

– И ничего не платят?

– Ничего. Это обязательное условие. Но если буду находиться на этой должности год, то смогу удержаться в системе.

– Но ты наверняка сможешь найти место в какой-нибудь хорошей маленькой фирме в Нью-Йорке.

– Мы это уже обсуждали, мам. Большие юридические фирмы резко сокращают штаты, маленькие вообще закрываются одна за другой. Ты не знаешь, какая истерия царит сейчас на улицах Нью-Йорка. Ты в безопасности, тебе ничего не грозит, и ни один из твоих влиятельных друзей работы не потеряет. А в реальном мире – ничего, кроме страха и хаоса.

– Так я, по-твоему, в нереальном мире, что ли?

К счастью, в этот момент вернулся официант и пустился в долгое перечисление фирменных блюд. Когда он ушел, они допили вино и какое-то время разглядывали публику за соседними столиками. Наконец Карен сказала:

– Вот что, Саманта. Думаю, ты совершаешь ошибку. Ты не можешь просто так уехать, исчезнуть на целый год. Как же твоя квартира? Как друзья?

– Мои друзья теперь такие же безработные, как и я, ну, большинство из них. Да и друзей у меня не так уж и много.

– Не нравится мне все это. Не нравится.

– Ну, хорошо, мам. А какие еще варианты? Устроиться в «Кофер-групп»?

– Боже упаси. Только этого не хватало, закончить жизнь в тюрьме.

– А ты будешь ко мне приходить? Его не посещала.

– Еще чего! И в голову не приходило. Знаешь, я даже обрадовалась, когда его посадили. Когда-нибудь поймешь меня, дорогая, если мужчина вдруг выбросит тебя, как ненужную вещь, ради другой женщины. Не дай бог, чтобы такое с тобой случилось.

– Ладно, это я еще могу понять. Но ведь прошло столько лет...

– Кое-что никогда не забывается.

– А ты пыталась забыть?

– Послушай, Саманта, каждому ребенку хочется, чтобы его родители были вместе. Это основной инстинкт выживания. А когда родители расстаются, ребенок мечтает, чтобы они остались хотя бы друзьями. Одним это удастся, другим – нет. Я не желаю находиться в одном помещении с Маршалом Кофером и предпочитаю вообще о нем не говорить. Так что давай оставим эту тему.

– Что ж, по крайней мере, это честно. – Саманта замолчала, сидела и размышляла, но тут ее отвлекли. Официант подал салаты, они заказали бутылку вина.

– Как там Блит? – спросила Карен, которой не терпелось сменить тему.

– Переживает, волнуется, но работу пока сохранила.

Несколько минут они говорили только о Блит, затем – о мужчине по фамилии Форест, который на протяжении месяца присутствовал в жизни Карен. Он был на несколько лет моложе ее, именно таких она и предпочитала, но роман не сложился. Форест был юристом-советником, участвовал в предвыборной кампании Обамы, и постепенно беседа матери и дочери перетекла в русло политики. За бутылкой вина они оживленно обсуждали первые президентские дебаты. Саманта скептически относилась к выборам, Карен уверяла, что ее работа с политикой никак не связана. А потом вдруг сказала:

– Совсем забыла, что у тебя нет машины.

– Ну, все эти годы она была мне не очень-то и нужна. Могла бы взять в аренду на несколько месяцев, если бы вдруг понадобилась.

– Знаешь, как-то совсем вылетело из головы. Моя мне нужна завтра вечером. Еду в Маклин, играть в бридж с друзьями.

– Ничего страшного. Возьму напрокат на пару дней. Чем дольше думаю об этом, тем больше хочется отправиться в долгий путь в одиночестве.

– А сколько туда добираться?

– Шесть часов.

– До Нью-Йорка можно доехать за шесть часов?

– Нет, завтра у меня другой маршрут.

Тут принесли закуски. Обе они к этому времени уже умирали с голоду.

Глава 5

Чтобы взять напрокат «тойоту-приус», у Саманты ушел час, и вот теперь она ехала по запруженным машинами улицам города, вцепившись обеими руками в руль и то и дело поглядывая в зеркала. Она не сидела за рулем несколько месяцев и чувствовала себя не слишком комфортно. По встречным полосам с окраин к центру потоком катили жители пригородов, то и дело возникали пробки, но движение в западном направлении не было таким плотным. А после того, как позади остался Манассас, трасса и вовсе освободилась, и Саманта наконец расслабилась.

Позвонила Изабель, они посплетничали минут пятнадцать. Накануне в «Скалли энд Першинг» отправили в неоплачиваемые отпуска еще целый ряд сотрудников, вылетел с работы и бывший сокурник Саманты по юридическому колледжу. Уволили также часть партнеров без долевого капитала. Около дюжины старших партнеров – те, кому до пенсии было рукой подать, – уволились якобы по собственному желанию, но, скорее всего, под дулом пистолета. Вспомогательный штат сократили на 15 процентов. Сотрудники фирмы были парализованы страхом, юристы запирались у себя в кабинетах и прятались под столами. Изабель сказала, что может уехать в Уилмингтон и жить в подвальном помещении в доме сестры, попробует устроиться интерном в какую-то организацию по защите прав ребенка, а в свободное время будет искать работу с неполной занятостью. Она сомневалась, что когда-нибудь вернется в Нью-Йорк, но пока еще рано было строить предположения. Все слишком неопределенно, все вокруг меняется слишком быстро, и никто не сможет сказать, что будет через год. Саманта призналась подруге, что рада избавиться от надоевшей работы в фирме, что теперь наконец свободна.

Потом она позвонила отцу и отменила ленч. Он, похоже, был разочарован, но тут же посоветовал ей не торопиться принимать предложение какой-нибудь дурацкой работы в стране «третьего мира». Снова упомянул, что был бы счастлив видеть ее в своей фирме, и начал уговаривать и давить. Ей пришлось сказать:

- Нет, пап, эта твоя работа мне не нужна, но все равно большое спасибо.
- Ты совершаешь ошибку, Сэм, – не отступал он.
- Я, папочка, совета у тебя не просила.
- А может, зря? Все же прислушайся к человеку умному и опытному.
- Пока, пап. Позже перезвоню.

Возле небольшого городка под названием Страсбург она свернула на автомагистраль номер 81 и влилась в плотный поток фур. Казалось, все они ехали с превышением скорости. Изучая карту, Саманта надеялась на спокойную поездку по свободной трассе до Шенандоа-Вэлли, но на деле оказалась среди громоздких трейлеров, которые так и напирали со всех сторон, несмотря на то что движение здесь было четырехполосным. Этих чертовых фур были тысячи. Время от времени она посматривала на восток, на подножие Голубого хребта, потом – на запад, на Аппалачи. Было первое октября, и листья уже начали желтеть, но любоваться окрестностями при такой ситуации на дороге было бы неразумно. Мобильник звенел, ей поступали сообщения, но она не обращала внимания. Неподалеку от Стаунтона она остановилась возле заведения фастфуда, заказала какой-то не слишком свежий салат. Ела, глубоко вздыхала, прислушивалась к разговорам местных и пыталась успокоиться.

На мобильный пришло сообщение от Генри, ее бывшего любовника, он находился в Нью-Йорке и искал, где бы и с кем выпить. Узнав о плохих новостях, решил посочувствовать. Актерская карьера в Лос-Анджелесе складывалась еще хуже, чем в Нью-Йорке, возить в лимузине актеришек третьего сорта с его-то выдающимся талантом страшно надоело. Он писал, что скучает, часто думает о Саманте, и теперь, когда оба стали безработными, они наверняка смо-

гут проводить больше времени вместе, сочинять и отполировывать до блеска свои резюме и искать объявления о вакансиях. Саманта решила не отвечать ему ни сейчас, ни потом. Ну, разве только если она вернется в Нью-Йорк, ей станет скучно и одиноко и нечего будет делать.

Несмотря на плотное движение и обилие фур, она постепенно начала получать удовольствие от этой поездки в полном одиночестве. Несколько раз пыталась послушать Национальное общественное радио, но новости были все те же – экономический спад, масштабная рецессия. Одни умники предсказывали депрессию, другие считали, что паника скоро уляжется и мир выживет. В Вашингтоне аналитики предлагали прямо противоположные стратегии, обсуждали их, потом отвергали все по очереди и совсем заморочили всем головы. Саманта выключила радио, не отвечала на звонки и ехала в полной тишине, погрузившись в размышления. GPS-навигатор рекомендовал ей съехать с федеральной трассы у Абингдона, штат Виргиния, она с удовольствием прислушалась к этому совету и на протяжении двух часов ехала на запад, в горы. Дороги становились все уже, и Саманта не раз задавалась вопросом: что она вообще здесь делает? Куда едет и зачем? Что ждет ее в этом Брэйди, штат Виргиния, на что именно она собирается потратить там весь следующий год? Ответ был очевиден – да ни на что. Но все равно, раз уж решилась, надо добраться до места назначения, подвести это маленькое приключение к логическому концу. Тогда, возможно, будет что обсудить и над чем посмеяться позже, в городе, за коктейлями. А может – и нет. В настоящий момент она испытывала облегчение при мысли о том, что вырвалась из Нью-Йорка.

Она въехала в округ Ноланд, свернула на трассу номер 36 и увидела, что дорога стала еще уже. А склоны гор – круче, и листва так и переливалась всеми оттенками желтого и темно-оранжевого. Теперь на дороге совсем не было машин, и чем дальше она углублялась в горы, тем чаще гадала – есть ли здесь какой-то другой путь назад. Похоже, что этот Брэйди находится в самом конце дороги, дальше – тупик. В ушах звенело и потрескивало, и она поняла, что ее маленький красный «приус» медленно поднимается все выше и выше. Обшарпанная табличка на столбе возвестила о том, что она подъезжает к Данн-Спринг с населением 201 человек. И вот она поднялась на холм и проехала мимо автозаправочной станции слева и небольшого магазина справа.

А через несколько секунд на хвосте у нее повисла машина с включенной синей мигалкой. Послышался вой сирены. Саманта запаниковала, ударила по тормозам, отчего полицейская машина едва не врезалась ей в задний бампер. Но она вовремя сориентировалась и съехала на посыпанную гравием площадку у моста. Полисмен подошел к ее двери, она изо всех сил старалась не заплакать, потом схватила телефон, собираясь отправить хоть кому-то экстренное сообщение, но связи не было.

Он пробормотал нечто непонятное, но она все же поняла: полицейский просит показать права. Саманта схватила сумочку, принялась судорожно шарить в ней, нашла и протянула ему водительское удостоверение. Он взял карточку и поднес ее чуть ли не к самому носу, точно зрение у него было совсем никудышное. Только тут она осмелилась поднять на него глаза. Помытые и запачканные форменные брюки цвета хаки, полинялая коричневая рубашка с какими-то нашивками и давно нечищенные черные армейские ботинки на шнуровке. На голове красовалась шляпа вроде той, что носит Медведь Смоки⁶, и которая была ему велика размера на два и прикрывала верхнюю часть больших оттопыренных ушей. Из-под шляпы торчали пряди черных растрепанных волос.

– Нью-Йорк? – протянул он. Дикция его была далека от совершенства, но воинственный тон не предвещал ничего хорошего.

– Да, сэр. Я живу в Нью-Йорке.

---

⁶ Персонаж детских комиксов и мультфильмов, одетый в форму лесного рейнджера. Талисман Службы леса в США, предупреждающий жителей об опасности лесных пожаров.

– Тогда почему вы за рулем машины из Вермонта?

– Я взяла эту машину напрокат, – ответила Саманта и достала из бардачка договор с фирмой «Авис». Протянула ему, но полицейский продолжал рассматривать ее водительское удостоверение и даже беззвучно шевелил губами, словно толком не научился читать.

– А что это за штука «приус»? – спросил он, сильно растягивая букву «и».

– Это гибрид марки «тойота».

– Чего?

Саманта ничего не понимала в машинах, но в данный момент это не имело значения. Отсутствие знаний не помешало ей объяснить концепцию гибрида.

– Видите ли, гибрид – это машина, которая ездит на газе и электричестве.

– Скажете тоже.

Ей не приходил в голову более внятный ответ, и, пока он молчал и продолжал разглядывать ее права, она просто сидела и улыбалась. От усердия он скосил левый глаз к переносице. А потом сказал:

– Больно уж шустро ездит. Я остановил вас за то, что вы ехали со скоростью пятьдесят одна миля в час вместо положенных в этой зоне двадцати миль в час. Превышение в тридцать миль! Не знаю, как у вас там в Нью-Йорке или Вермонте, но у нас это называется опасной ездой. Да, мэм, именно так.

– Но я не видела знака ограничения скорости.

– А мне что за дело, мэм, видели вы или нет? Я-то тут при чем?

Впереди показался старый пикап, сбросил скорость, похоже, собирался остановиться.

Водитель высунулся из окна и крикнул:

– Да будет тебе, Роуми! Опять ты за свое?

Коп обернулся и рявкнул в ответ:

– А ну вали отсюда, чтоб я тебя не видел!

Пикап стоял на разделительной полосе, водитель снова высунулся и заорал:

– Завязывай с этими своими штучками, парень!

Коп расстегнул кобуру, вытянул из нее черный пистолет и сказал:

– Ты меня слышал. Убирайся отсюда!

Водитель проехал вперед, резко развернулся и умчался прочь. Когда он отъехал ярдов на двадцать, коп поднял ствол к небу. Грянул оглушительный выстрел, эхо разнеслось по всей долине и еще долго отдавалось от склонов гор. Саманта вскрикнула и расплакалась. Коп проводил пикап взглядом, потом сказал:

– Все о'кей, все нормально. Он вечно вмешивается. Так на чем мы там остановились? – Он убрал пистолет в кобуру и долго играл с застежкой.

– Я не знаю, – ответила Саманта, вытирая глаза. Руки у нее дрожали.

Коп устало вздохнул и повторил:

– Я же сказал, все о'кей, мэм. Итак, у вас водительские права из Нью-Йорка, вермонтские номера на этой чудной машинке, и вы превысили скорость на тридцать миль в час. Куда направляетесь?

Да тебе-то что за дело, едва не вырвалось у нее, но она все же сдержалась. Не стоит усугублять, наживать себе лишние неприятности. Она смотрела прямо перед собой, глубоко дышала, старалась успокоиться. А потом наконец ответила:

– Я еду в Брэйди. У меня там собеседование, устраиваюсь на работу. – В ушах у нее продолжало звенеть.

Полицейский хмыкнул и сказал:

– Да никакой работы в Брэйди нет. Точно вам говорю.

– У меня собеседование в Центре юридической помощи малоимущим, – ответила она и стиснула зубы. Собственные слова казались какими-то нереальными.

Тут он растерялся и, похоже, не знал, что делать дальше.

– Что ж, должен вас задержать. Превышение на тридцать миль – это не шуточки. Судья наверняка призовет вас к ответу. Так что должен вас забрать.

– Куда?

– В окружную тюрьму в Брэйди.

Саманта низко опустила голову, потеряла виски.

– Ушам своим не верю, – пробормотала она.

– Сожалею, мэм. А теперь вылезайте из машины. Так и быть, разрешу вам поехать на переднем сиденье. – Он стоял подбоченясь, правая рука в опасной близости от кобуры.

– Вы это серьезно? – спросила Саманта.

– Серьезно, как сердечный приступ.

– Я могу позвонить?

– Ни в коем разе. Ну, разве что из тюрьмы. Кроме того, у нас тут все равно не ловит.

– Так, значит, вы арестовываете меня и везете в тюрьму?

– Вы меня правильно поняли. Тут, в Виргинии, свои порядки. Так что поехали.

– А как же моя машина?

– Приедет эвакуатор и заберет. Что обойдется вам еще в сорок долларов. Поехали.

Мысли у Саманты путались, но другие решения казались ей рискованными, ведь этот тип снова мог достать свою пушку и начать пальбу. Она взяла сумочку и медленно вышла из машины. При росте в пять футов семь дюймов в туфлях на плоской подошве она была дюйма на два, если не больше, выше Роуми. Она подошла к его машине – мигалка продолжала сверкать синими огнями, – взглянула на водительскую дверцу и не увидела на ней опознавательных знаков полиции. Похоже, он уловил ход ее мыслей и поспешил заметить:

– Машина без знаков. Поэтому вы меня и не заметили. Срабатывает безотказно. Садитесь впереди. Так и быть, наручники надевать не стану.

Ей удалось еле слышно выдать:

– Спасибо.

Это был темно-синий «форд», мало походивший на обычную патрульную машину, и выбросить его на свалку можно было лет десять назад. Переднее сиденье с потрескавшейся виниловой обивкой, из щелей торчали грязные клочья синтетической ваты. В приборную доску встроены два радиоприемника. Роуми схватил микрофон и проговорил быстро и неразборчиво нечто вроде:

– Подразделение десять, направляюсь в Брэйди с задержанным. Ориентировочное время в пути пять минут. Сообщите судье. И еще нужно подогнать к мосту эвакуатор, пусть заберет оттуда эту дебильную японскую машинку.

Ответа не последовало, словно никто его не слышал. Наверное, это радио не работало, подумала Саманта. На сиденье между ними лежал полицейский сканер, который тоже молчал, как и радио. Роуми повернул ключ зажигания, выключил мигалку.

– Может, хотите послушать сирену? – с усмешкой предложил он. Видно, ему еще не надоело играть в эти игрушки.

Она покачала головой.

– Нет. – И подумала, что буквально вчера получила десять отказов. Позавчера ее уволили и с позором, в сопровождении эскорта, вывели из здания фирмы. А сегодня арестовали в горах и везут в тюрьму. Сердце у нее колотилось, было трудно дышать.

Ремней безопасности в машине не было. Роуми дал по газам, и вскоре они уже мчались по разделительной полосе, и старенький «форд» дребезжал и сотрясался от бампера до бампера. Мили через две коп сказал:

– Мне правда очень жаль, мэм. Просто делаю свою работу.

– А вы полицейский или что-то вроде местного шерифа? – спросила она.

– Я констебль. Придан в усиление местным дорожным патрульным.

Она кивнула, точно это что-то проясняло. Он вел машину, запястье его левой руки покоилось на рулевом колесе, которое так и вибрировало. На прямых участках дороги прибавлял скорость, и тряска возрастала. Саманта покосилась на спидометр. Он тоже не работал. Затем Роуми снова пролаял в микрофон что-то неразборчивое, как плохой актер, и снова никто не ответил. Машина слишком быстро вошла в крутой поворот, и, когда ее хвостовую часть замотало, Роуми спокойно позволил ей выровняться и лишь затем нажал на тормоза.

«Я погибну, – подумала Саманта. – Или от руки этого психа, или в автомобильной катастрофе». Желудок выворачивало наизнанку, казалось, она вот-вот потеряет сознание. Вцепившись в свою сумочку, она закрыла глаза и стала молиться.

Лишь на окраинах Брэйди ей удалось немного успокоиться. Если он хотел изнасиловать ее, потом убить и сбросить тело в пропасть, то делать этого в городе он не станет. Они проезжали мимо магазинов со стоянками, посыпанными гравием, мимо выстроившихся в ряд небольших аккуратных домиков, окрашенных белой краской. Она подняла глаза и увидела, что впереди над деревьями высился шпиль церкви. Перед тем как выехать на Мейн-стрит, Роуми резко свернул и въехал на немощеную стоянку перед тюрьмой округа Ноланд.

– Следуйте за мной, – сказал он. На долю секунды Саманта даже обрадовалась, что ее привезли в тюрьму.

Она прошла следом за ним к главному входу и огляделась по сторонам – убедиться, что никто этого не видит. Да и кому вообще тут есть до нее дело? Оказавшись внутри, они прошли в пыльный коридор с облупившейся на стенах краской. Слева – дверь с выведенной чернилами надписью «Тюрьма». Но Роуми указал направо и сказал:

– Посидите там, пока я составляю протокол. И чтоб без глупостей, ладно?

Поблизости не было ни души.

– Да куда ж я денусь, – заметила Саманта. – Машины у меня все равно нет.

– Просто посидите и помолчите.

Она уселась в пластиковое кресло, а он скрылся за дверью. Стены тут оказались тонкие, потому что вскоре она услышала его голос:

– Задержал тут одну девицу из Нью-Йорка, перехватил у Данн-Спринг, шла со скоростью пятьдесят одна, можешь себе представить?

Ему сердито ответил мужчина:

– О нет! Опять ты за свое, Роуми.

– Да. Взял с поличным.

– Завязывай с этой хренью, Роуми.

– И нечего тут спорить, Дью.

Послышались тяжелые шаги, голоса удалялись, стали тише. Затем откуда-то из глубины помещения донеслись сердитые возгласы. Слов Саманта не разобрала, но ясно было одно: какие-то двое мужчин яростно спорят с Роуми. Затем голоса стихли. Из двери напротив вышел плотный мужчина в синей форме и сказал:

– Приветствую. Вы мисс Кофер?

– Да, это я, – ответила она, оглядывая пустое помещение.

Он протянул ей права и спросил:

– Можете подождать еще минутку?

– Конечно. – А что еще она могла ответить?

Где-то вдалеке снова зазвучали сердитые голоса, потом вдруг оборвались. Она написала текстовое сообщение матери, затем – отцу, и еще одно – Блит. Если тело ее не найдут, по крайней мере, кое-какие детали этого преступления станут известны.

Дверь снова отворилась, и в коридор вышел молодой человек. На нем были линялые джинсы, высокие ботинки, модная спортивная куртка. Он весело ей улыбнулся и спросил:

– Вы Саманта Кофер?

– Да.

Он отодвинул от стены пластиковое кресло, уселся напротив – так близко, что колени их почти соприкасались, – и сказал:

– А я Донован Грей. Я ваш адвокат и только что снял с вас все обвинения. Полагаю, что нам с вами лучше убраться отсюда, чем скорее, тем лучше. – С этими словами он протянул ей визитку.

Саманта взглянула. Вроде бы действительно адвокат. И контора его находится на Мейн-стрит в городе Брэйди.

– Ладно. И куда мы пойдем? – осторожно спросила она.

– За вашей машиной.

– А как же этот констебль?

– По дороге все объясню.

Они быстро вышли из здания тюрьмы и уселись в джип «чероки» последней модели. Он завел мотор, тут же по радио грянул рок в исполнении Брюса Стингстина, и Донован Грей торопливо выключил музыку. Ему было лет тридцать пять – сорок: густые черные волосы, трехдневная щетина на щеках, грустные темные глаза. Они отъехали от здания тюрьмы, и Саманта сказала:

– Погодите. Мне нужно отправить несколько сообщений.

– Конечно. Здесь на несколько миль вполне приличная связь.

Она отправила эсэмэски матери, отцу и Блит, написала, что уже не в тюрьме, что все вроде бы налаживается, насколько это возможно в подобных обстоятельствах. Так что пускай пока не беспокоятся. Сейчас она в безопасности. Позвонит и объяснит все позже.

Они выехали из города, и Донован сказал:

– Роуми не настоящий коп и не констебль, он вообще не имеет отношения к правоохранительным органам. И первое, что вы должны понять, – этот человек не в себе, съехал с катушек. Даже сразу с нескольких. Он всегда мечтал стать шерифом. И время от времени на него находит: считает своим долгом выехать и патрулировать дороги, почти всегда возле Данн-Спрингс. И если вы в этот момент проезжаете мимо, а машина не из этого штата, Роуми непременно заметит. Если у вас номера, скажем, из Теннесси или Северной Каролины, тогда Роуми не станет вас беспокоить. Но если с севера, он почему-то очень возбуждается и проделывает такие вот штучки. И искренне считает, что делает доброе дело, останавливая водителей за превышение скорости, особенно если они из Нью-Йорка или Вермонта.

– Но почему его никто не остановит?

– О, мы пытались. Кто только на него не напускался, но ведь нельзя же следить за человеком двадцать четыре часа в сутки. Он настоящий проныра, знает все здешние дороги лучше других. Обычно он задерживает какого-нибудь водителя за превышение, какого-нибудь несчастного из Нью-Джерси. Сначала напугает до смерти, потом отпустит. И никто у нас об этом не знает. Но время от времени привозит кого-нибудь в тюрьму и требует, чтоб того упекли за решетку.

– Просто не верится.

– Он никогда никому не причиняет вреда, но...

– Но он выстрелил в другого водителя. До сих пор в ушах звенит.

– Да, парень не в себе. Как и большинство других местных.

– Его самого не мешало бы упечь за решетку. Наверняка существуют законы, позволяющие привлечь за неправомерный арест и похищение человека.

– Да у него двоюродный брат шериф.

Саманта глубоко вздохнула и покачала головой.

– Это правда. Его кузен уже давно работает здесь шерифом. И Роуми ему страшно завидует. Один раз даже хотел избираться на эту должность. Получил только десять голосов от всего округа и жутко расстроился. Так, видно, и будет дальше останавливать всех янки подряд, пока его не вышлют на несколько месяцев.

– Так надо выслать.

– Это не так-то просто. Вообще-то вам повезло, что он не забрал вас в свою тюрьму.

– *Свою* тюрьму?

Донован улыбался, явно наслаждаясь своим рассказом.

– О, да! Примерно пять лет назад брат Роуми обнаружил за амбаром своей фермы седан последней модели с номерами штата Огайо. Огляделся по сторонам, потом услышал какой-то шум и нашел парня из Огайо, запертого в конюшне. Выяснилось, что Роуми предварительно обнес ее колючей проволокой под током и этот бедняга проторчал там целых три дня. Еды у него было достаточно, и вообще условия содержания оказались довольно комфортными. Он сказал, что Роуми проверял его три раза на дню и был очень вежлив и мил.

– Вы все это придумали!

– Ничего я не придумал. Просто тогда Роуми перестал принимать лекарства и болезнь обострилась. Этот парень из Огайо поднял шум и нанял адвокатов. И они выдвинули обвинение против Роуми за неправомерный арест и кучу всяких других нарушений, но дело далеко не продвинулось. Никаких накоплений у Роуми не было, из имущества только старая патрульная машина, так что подавать гражданский иск было бессмысленно. Тогда они выдвинули обвинение в похищении человека, и Роуми в конце концов признали виновным, но с учетом смягчающих обстоятельств. И он провел тридцать дней в тюрьме, но не местной, а окружной. А потом его отправили в психиатрическую больницу штата, подлечиться. Он совсем не плохой парень, правда.

– Просто очаровашка.

– Если честно, то попадаются настоящие копы, которые куда хуже. Лично мне даже нравится Роуми. Однажды вел дело его дяди. Связанное с метом.

– Метом?

– Кристаллический метамфетамин. После угледобычи это, пожалуй, самый прибыльный бизнес в наших краях.

– Могу я задать вам... более личный вопрос?

– Конечно. Ведь я ваш адвокат, так что можете спрашивать о чем угодно.

– Зачем вы держите в машине пистолет? – Она кивком указала на углубление в консоли под его левым локтем. Там лежал черный пистолет весьма внушительных размеров.

– Все законно. У меня полно врагов.

– Каких именно врагов?

– Я занимаюсь исками против угольных компаний.

Саманта подумала, что более полное объяснение последует позже. Вздохнула и смотрела теперь только на дорогу. Рассказав о похождениях Роуми, Донован, похоже, наслаждался молчанием. И еще, подумала она, он не стал задавать ей вполне очевидного вопроса о том, что привело ее в округ Ноланд. У моста он свернул с дороги и остановился прямо за «приусом».

– Сколько я вам должна? – спросила Саманта.

– Чашечку кофе.

– Кофе? Здесь?

– Нет, конечно. Есть очень славно кафе в городе. Мэтти сейчас в суде и будет занята там часов до пяти. Надо же как-то убить время.

Саманта хотела задать вопрос, но язык не слушался. А он продолжал:

– Мэтти моя тетушка. Это она надоумила меня поступить в юридический колледж и очень помогала, когда я учился. Студентом я работал у нее в центре, а потом – еще три года,

до тех пор, пока не был допущен к юридической деятельности. Ну а теперь обрел самостоятельность.

– Так это Мэтти сказала вам, что я должна приехать на собеседование? – Тут в первый раз она заметила обручальное кольцо у него на пальце.

– Просто совпадение. Я часто забегаю к ней на работу рано утром – выпить кофе, посплетничать. Ну и она упомянула о том, что получила эти имейлы от нью-йоркских юристов, которые вдруг скопом бросились искать работу в провинции, а потом сказала, что один из соискателей может прибыть сегодня на собеседование. Нет, ей-богу, забавно будет видеть здесь скачущих по горам и холмам юристов из крупных фирм. Ну а потом я поехал в тюрьму повидать своего клиента, тут и появился ваш дружок Роуми с очередным трофеем. И вот мы здесь.

– Вообще-то я не собираюсь возвращаться в Брэйди. Хочу сесть в свою маленькую красную машинку, развернуться и убраться отсюда к чертовой бабушке.

– Что ж, тогда не забудьте сбросить скорость на подъезде к Данн-Спрингс.

– Не беспокойтесь, не забуду.

Последовала пауза. Оба смотрели на «приус» и молчали. Затем он сказал:

– И все-таки приглашаю на кофе, я угощаю. И еще, думаю, вам понравится Мэтти. Можно понять, почему вы торопитесь уехать. Но первое впечатление часто бывает неверным. Брэйди очень славный городок, а у Мэтти полно клиентов, которым нужна ваша помощь.

– Вот только пушку забыла прихватить.

Он улыбнулся и заметил:

– У Мэтти ее тоже нет.

– Тогда что она за адвокат?

– Она просто замечательный адвокат, преданный своим клиентам. Тем людям, которым нечем ей заплатить. Так что решайтесь. Поговорить с ней в любом случае не повредит.

– Видите ли, я специализируюсь на финансировании строительства небоскребов на Манхэттене и не уверена, что в этом плане пригожусь Мэтти.

– О, вы быстро освоитесь, и вам понравится эта работа. Потому что будете помогать людям с реальными проблемами.

Саманта глубоко вздохнула. Интуиция подсказывала ей: беги! Но куда именно? Любовь к приключениям, однако, поборола сомнения – можно ведь хотя бы одним глазком взглянуть на этот город. У ее адвоката имеется оружие, следовательно, она защищена.

– Ладно, так и быть, – сказала она. – Можете считать это платой за адвокатские услуги.

– Тогда поехали. За мной.

– А если вдруг Роуми снова...

– Не беспокойтесь, я с ним потолковал. И его кузен тоже. Просто держитесь за моей машиной.

Они быстро проехали по Мейн-стрит, и Саманта увидела шесть кварталов, состоящих из зданий начала века, четверть из которых пустовали. В окнах таблички: «Продается». Контора Донована размещалась в двухэтажном доме с большими окнами и медной табличной на двери, где мелкими буквами было выбито его имя. Над тротуаром нависал балкон. На другой стороне улицы, в трех кварталах от него, находился бывший склад, где теперь и располагался Центр бесплатной юридической помощи. В самом конце улицы виднелось небольшое нарядное здание суда, там же, судя по всему, работали люди, управляющие округом Ноланд.

Они вошли в гриль-бар и уселись за столик в дальнем углу. Пока шли к столику, трое посетителей-мужчин глазели на Донована, но он, похоже, не обращал на это внимания. Официантка подала им кофе. Саманта откинулась на спинку сиденья и заметила:

– Вроде бы вы не очень нравитесь этим ребятам. Знаете их?

Он глянул через плечо, кивнул и сказал:

– Я знаю в Брэйди всех и каждого и догадываюсь, что ровно половина из них меня ненавидит. Я же говорил, что воюю с угольными компаниями, выдвигаю против них иски, а они здесь самые крупные работодатели. Вообще во всех Аппалачах.

– А за что вы выдвигаете иски?

Он улыбнулся, отпил глоток кофе, взглянул на часы.

– Ну, это долгий разговор.

– Ничего, я не спешу.

– Дело в том, что угольные компании создают массу проблем. Большинство из них. Есть парочка приличных, но большинство ничуть не волнует состояние окружающей среды и здоровье людей. Добыча угля – грязный бизнес во всех смыслах этого слова, всегда был таким. И с каждым годом все только хуже. Слышали когда-нибудь об открытых разработках?

– Нет.

– Их еще называют открытой добычей. Уголь в этих краях начали добывать в начале тысяча восьмисотых. Поначалу вели подземную добычу, прорывали туннели в горах и извлекали уголь. Мой дед был шахтером, и его отец тоже. С отцом вообще отдельная история. Как бы там ни было, но к тысяча девятьсот двадцатому году на территории от Пенсильвании до Теннесси насчитывалось около восьмисот тысяч шахтеров. Добыча угля – работа опасная, и истории известно немало примеров выступлений шахтеров за свои права, их борьбы с профсоюзами, насилием и коррупцией в этом бизнесе, прочих драматических событий. И все это было связано с традиционной подземной добычей. Труд там страшно напряженный. И вот где-то в начале тысяча девятьсот семидесятых угольные компании решили, что открытая добыча куда выгодней, можно сэкономить миллионы долларов на одной только оплате труда. Открытая добыча дешевле подземной, потому что требуется гораздо меньше рабочих рук. Сегодня осталось всего около восьмидесяти тысяч шахтеров, и половина из них занята на открытых разработках.

Мимо Донована прошла официантка, и он на секунду умолк. Отпил глоток кофе, огляделся по сторонам, подождал, пока она пройдет дальше, и продолжил:

– Открытая добыча – это все равно что жизнь на стероидах. Уголь в Аппалачах залегают в швах, слоями, ну, как крем в торте. На вершине горы обычно растет лес, под ним верхний слой почвы, затем слой камней и, наконец, угольный слой. И он может быть толщиной от четырех до двадцати футов. И когда угледобывающая компания получает разрешение на открытую разработку месторождения, она буквально обрушивается на эту несчастную гору всей мощью тяжелого оборудования. Поначалу вырубает деревья, никакой заботы о сохранении леса и особо ценных древесных пород. Затем в землю вгрызаются бульдозеры – скальпируют вершину горы. Снимается весь верхний слой почвы, как правило, он довольно тонкий. Затем приходит черед каменного слоя, его уничтожают подрывами. Деревья, почву и камни часто сваливают в долины между горами, создают там завалы. И тогда в прежде цветущих долинах погибают растительность, фауна, исчезают ручьи и реки. Самая настоящая экологическая катастрофа. Если живете в низовьях реки, вы приговорены. Скоро сами узнаете: все мы здесь приговорены.

– Но разве это законно?

– И да, и нет. Открытые разработки законны, потому как издан специальный федеральный закон, но сам процесс состоит из абсолютно незаконных действий. И еще у нас сложилась долгая история взаимоотношений между контролирующими и наблюдательными органами и угольными компаниями, к которым они относятся более чем лояльно. Реальность всегда одна и та же: угольные компании катком проходят по земле и людям потому, что у них деньги и власть.

– Вернемся к «торту». Вы говорили о залегании угля слоями.

– Да. Стоит им добраться до угля, они доставляют новую технику, извлекают его, вывозят. И начинают добираться до нового слоя. Снова гремят взрывы. Довольно часто сносятся

верхушка горы высотой в пятьсот футов. Для этого требуется не так много рабочих. Небольшая бригада может фактически разрушить гору за несколько месяцев.

Подошла официантка, стала подливать им свежего кофе. Донован молча наблюдал за ее действиями. Когда она ушла, он склонился вперед и продолжил:

– Итак, уголь извлекают, увозят, а затем промывают – и это еще одно несчастье. При промывании угля образуется черный осадок, содержащий тяжелые металлы и токсичные химические элементы. Его еще называют шламом, уверен, вы часто слышали этот термин. Избавиться от него невозможно, а потому угольные компании хранят его за насыпными земляными дамбами, в прудах для осадка или шлама. Технология тут самая примитивная, работы проводятся небрежно, и все эти вредные вещества попадают затем в почву и подземные воды, что приводит к самым катастрофическим последствиям.

– И как долго хранятся такие отходы?

Донован пожал плечами и снова огляделся по сторонам. Нет, он не нервничал и не трусил, просто не хотел, чтоб его подслушивали. Он был спокоен, говорил с легким местным акцентом, и Саманту заворожили и его повествование, и выразительные темные глаза.

– Да хоть целую вечность будут хранить, никого это не волнует. До тех пор, пока дамба не прорвется и со склона горы не пойдет волна токсичных отходов, ворвется в дома, школы и города, затопит и разрушит все на своем пути. Слышали, наверное, об аварии нефтеналивного танкера «Эксон Вальдес» у берегов Аляски? Он налетел на скалы, и в море вылилось тридцать миллионов галлонов необработанной нефти. На протяжении недель эта новость занимала первые полосы газет, страна была в шоке. Помните, как в новостях показывали всех этих несчастных выдр, покрытых липкой грязью? Но готов побиться об заклад, вы ничего не слышали о происшествии в округе Мартин, самой масштабной экологической катастрофе к востоку от Миссисипи. Это случилось восемь лет назад в Кентукки, там прорвало дамбу, и около 300 миллионов галлонов ядовитых отходов, угольного шлама, хлынули вниз, в долину. В десять раз больше, чем в истории с «Вальдесом», а в стране словно и не заметили этого события. И знаете почему?

– Почему?

– Да потому, что это Аппалачи. Угольные компании разрушают наши горы, города, нашу культуру и жизнь, и никого это не волнует.

– Так вот почему эти ребята вас ненавидят?

– Ненавидят, потому что считают открытую добычу хорошим, стоящим делом. Еще бы, ведь они обеспечивают новые рабочие места, а работу тут у нас найти непросто. Они не то чтобы плохие ребята, просто дезинформированы и заблуждаются. Варварское разрушение гор убивает все вокруг. Одним махом уничтожаются десятки рабочих мест, но они этого не понимают. Люди вынуждены покидать свои дома из-за этих бесконечных взрывов, пыли, угрозы затопления. Дороги небезопасны, потому что по ним бесконечным потоком идут эти тяжелые машины. За последние пять лет я насчитал пять случаев дорожных аварий со смертельным исходом, люди попадали под грузовики, везшие по девяносто тонн угля каждый. Многие городки просто исчезли с лица земли. Угольные компании часто выкупают дома, а потом просто сносят их. За последние двадцать лет отмечено резкое падение численности населения в так называемых угольных округах. Тем не менее многие, в том числе и те трое джентльменов, что сидят здесь за столиком, считают, что лучше иметь хоть какую-то работу, чем вовсе никакой.

– Если они джентльмены, почему носите пистолет?

– Потому, что известно: некоторые угольные компании нанимают бандитов и головорезов. Больше для устрашения, разумеется, и в том нет ничего нового. Послушайте, Саманта. Я сын этой угольной страны, деревенщина, родился здесь и горжусь этим. И могу часами рассказывать о кровавой истории Его Величества Большого Угля.

– Так вы действительно опасаетесь за свою жизнь?

Он на секунду умолк, даже отвернулся.

– В прошлом году в Нью-Йорке произошло около тысячи убийств. Вы боитесь за свою жизнь?

– Да нет, как-то не очень.

Он улыбнулся, кивнул и заметил:

– Ну, вот и я тоже. В прошлом году в городе произошло три убийства, все из-за наркоты. Просто надо соблюдать осторожность. – Тут у него в кармане завибрировал мобильник. Он достал его, прочел сообщение и сказал: – Это Мэтти. Уже вышла из здания суда и сейчас у себя в офисе. Она ждет вас с нетерпением.

– Погодите. Как она узнала, что я с вами?

– У нас тут маленький городок, Саманта.

Глава 6

Они прошли по улице, добрались до его офиса, там обменялись рукопожатием и распрощались. Саманта поблагодарила его за отличную работу в качестве ее адвоката, наговорила комплиментов. Словно решила задержаться в этом городе на несколько месяцев. И еще они договорились как-нибудь вместе пообедать в том же гриль-баре в Брэйди.

Было уже почти пять вечера, когда она перебежала через улицу в неполюженном месте, немного опасаясь, что ее могут за это оштрафовать. Остановилась, посмотрела на запад – солнце уже скрылось за вершинами гор. Их длинные тени упали на город, почему-то возникло ощущение, что скоро наступит зима. Брякнул колокольчик на двери, и она вошла в небольшую приемную Центра юридической помощи. Стол, заваленный бумагами, предполагал, что кто-то должен отвечать на звонки и принимать посетителей, но в данный момент в приемной не было ни души. Планировка офиса отличалась простотой, в центре тянулся длинный узкий коридор – сразу становилось ясно, что на протяжении десятилетий это помещение использовалось под склад скобяных товаров. Все здесь было какое-то старое и изношенное. Вместо стен – побеленные деревянные перегородки, не достигающие до высокого потолка. Полы покрыты тонкими дешевыми ковриками. Мебель – по крайней мере в приемной – являла собой набор разномастных предметов, приобретенных где-то на барахолке. А вот на стенах – довольно любопытная коллекция картин, написанных маслом и пастелью, – видимо, это были работы местных художников, и продавались они по вполне разумным ценам.

Произведения искусства. В прошлом году партнеры в «Скалли энд Першинг» передрались из-за предложения некоего дизайнера, который советовал потратить два миллиона долларов на приобретение нескольких загадочных авангардных полотен. Их планировали повесить внизу, в главном холле фирмы. В результате дизайнера послали к чертям собачьим, о картинах никто не вспоминал, и отложенные на них деньги пошли на выплату премиальных.

И вот где-то в середине коридора отворилась дверь, и из комнаты вышла небольшого роста полноватая женщина, причем босая.

– Я так понимаю, что вы Саманта, – сказала она, направляясь к ней. – А я Мэтти Уатт. Слышала, вас не слишком приветливо встретили в округе Ноланд. Примите извинения.

– Приятно познакомиться, – ответила Саманта, разглядывая квадратные очки для чтения с розовыми стеклами, съехавшие на кончик носа Мэтти. Розовые стекла вполне гармонировали с розоватыми кончиками ее волос. Короткие, встрепанные, они торчали заостренными на концах клочьями, и еще было видно, что их несколько раз обесцвечивали, причем самым безжалостным образом. Такого Саманта прежде никогда не видела. Нет, конечно, на улицах Нью-Йорка, особенно на Манхэттене, попадались и более экзотические персонажи, но чтоб юрист расхаживал в таком виде...

– Прошу сюда, – пригласила Мэтти и указала на офис. Они вошли, Мэтти, затворив дверь, заявила: – Так и знала, что этот псих Роуми что-нибудь отчубучит. Он будет пугать людей до тех пор, пока шериф не примет меры. Мне очень жаль. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Ничего. Со мной все в порядке. Это забавная история, которую я буду рассказывать много лет.

– Уверена, что так, а если останетесь здесь, наберется еще целый ворох занятных историй. Хотите кофе? – Мэтти уселась в кресло-качалку за письменным столом, на котором царил безукоризненный порядок.

– Нет, спасибо. Пила кофе с вашим племянником.

– А, ну да. Я так рада, что вы познакомились с Донованом. Один из умнейших парней в нашем городе. И вырастила его практически я одна. Трагическая гибель семьи и все прочее. Он любит свою работу, целиком ею поглощен, ну и вообще, хорош собой, вы не находите?

– Да, очень славный, – осторожно заметила Саманта, которой не хотелось обсуждать внешность Донована и уж тем более – вникать в трагическую историю его семьи.

– Как бы там ни было, вы здесь. А на завтра у меня назначена встреча с еще одним кандидатом, вылетевшим с Уолл-стрит. И времени на собеседования не так много, знаете ли. Сегодня получила еще четыре запроса и просто перестала на них отвечать. Встречусь завтра с этим юристом. Потом обсудим обе кандидатуры на совете и примем решение.

– Понятно. А кто входит в совет?

– Вообще-то только Донован и я. У нас есть еще один сотрудник, Аннет, она должна была присутствовать на собеседованиях, но сейчас ее нет в городе. Работаем мы быстро, без бюрократической волокиты. Если решение будет в вашу пользу, когда сможете начать?

– Не знаю. Как-то все слишком стремительно...

– А я так поняла, вы сейчас не слишком заняты.

– Верно. И думаю, стоило бы начать – чем раньше, тем лучше. Но прежде хотелось бы все обдумать, хотя бы день или два, – ответила Саманта, пытаясь немного расслабиться в жестком деревянном кресле, слегка поскрипывавшем при каждом ее вздохе и движении. – Просто не уверена, что...

– Ладно, понятно. Один стажер или другой – думаю, разница здесь невелика. Прежде у нас никогда не было стажеров. Просто какое-то время назад у нас два года проработал один человек, родом отсюда, из угольной страны, но пришлось посещать юридическую школу в Стэнфорде, а потом поступило приглашение на работу в крупную фирму в Филадельфии.

– И чем он здесь занимался?

– Не он, а она – Эвелин, и она занималась легочными заболеваниями и техникой безопасности горных работ. Очень трудолюбивая девушка, и большая умница, но, проработав два года, уехала и оставила множество не доведенных до конца дел. Не удивлюсь, если она сейчас оказалась на улице. Ведь и в Филадельфии, должно быть, творится такой же кошмар.

– Так и есть. Вы уж простите меня за прямоту, мисс Уатт, но...

– Просто Мэтти.

– Да, конечно, Мэтти. Но у меня сложилось впечатление, что вас не слишком греет идея брать какого-то там стажера.

– О, простите меня. Извините. Вообще-то нам здесь любая помощь не лишняя. Как я уже говорила вам по телефону, тут хватает неимущих с проблемами юридического характера. Эти люди не могут позволить себе взять адвоката. Уровень безработицы зашкаливает, молодежь сидит на метамфетаминах, а угольные компании просто гении по изысканию все новых способов выжать из людей последнее. Поверьте мне, дорогая, нам просто позарез нужна любая помощь.

– Но чем я буду здесь заниматься?

– Да всем. От ответов на телефонные звонки до составления судебных исков. В вашем резюме указано, что вы получили лицензии в Виргинии и Нью-Йорке.

– Да, после окончания юридического колледжа работала помощником судьи в округе Колумбия, сдала в Виргинии экзамен и получила квалификацию практикующего юриста.

– За последние три года довелось побывать в зале суда?

– Нет.

Мэтти колебалась секунду-другую, точно сомневалась, стоит ли принимать на работу такого кандидата.

– Ну, в каком-то смысле тут вам повезло. В тюрьме, полагаю, тоже ни разу не бывали?

– Нет, вплоть до сегодняшнего дня.

– Ах, да. Еще раз прошу прощения. Вы все очень быстро схватываете. А что за работа была у вас в Нью-Йорке?

Саманта глубоко вздохнула, ей хотелось, по мере возможности, увильнуть от этого вопроса. Но в голову ничего путного не приходило, и она сказала:

– Работала с коммерческой недвижимостью, чудовищная скукотища. Нет, правда, невероятно скучная работа. Мы представляли группу довольно противных богатых парней, которые строили небоскребы по всему Восточному побережью, но в основном, конечно, в Нью-Йорке. И обычно я тратила уйму времени на анализ и проверку финансовых соглашений с банками, готовила толстенные контракты, перепихивала их от корки до корки, чтоб потом, когда будут читать, комар носа не подточил.

Мэтти посмотрела поверх квадратных розовых очков – в глазах ее читалась искренняя жалость.

– Звучит ужасно.

– Так и есть.

– И вы рады, что убрались оттуда?

– Если честно, я еще не до конца разобралась в своих чувствах, Мэтти. Всего месяц назад принимала активное участие в этих крысиных бегах, где люди расталкивают друг друга локтями, и сама тоже расталкивала, и меня отталкивали, стремилась куда-то вперед, а вот куда – сейчас толком не понимаю. Даже не помню, с чего все это началось. На горизонте уже появились темные тучи, но мы были слишком заняты и не замечали. А потом рухнул «Леман», и на протяжении двух недель я собственной тени боялась. И все мы стали работать еще больше и старательнее, в надежде, что кто-то заметит и оценит, в надежде, что сто рабочих часов в неделю вместо девяти смогут нас спасти. А потом все рухнуло, нас вышвырнули на улицу. Ни выходного пособия, ничего. Ничего, кроме пустых обещаний, и я сомневаюсь, что кто-то их сдержит.

Глядя на Мэтти, можно было подумать, что она вот-вот разрыдается.

– А ты хочешь туда вернуться?

– Даже не знаю. Нет, не думаю. Мне никогда не нравилась эта работа, не нравился коллектив, ну, за небольшим исключением, и уж определенно не нравились клиенты нашей фирмы. И большинство знакомых юристов, сколь ни прискорбно, думают точно так же.

– Что ж, дорогая, могу тебя заверить: здесь, в Центре юридической помощи, мы любим своих клиентов, а они любят нас.

– Уверена, люди здесь гораздо лучше и симпатичнее тех, с кем мне доводилось иметь дело в Нью-Йорке.

Мэтти взглянула на наручные часы – ярко-желтый диск на зеленом виниловом ремешке вокруг запястья.

– А какие у тебя планы на вечер?

Саманта пожала плечами, покачала головой.

– Как-то еще об этом не думала.

– Но ведь ты не собираешься сегодня вернуться в Вашингтон?

– А ваш Роуми выходит в ночную смену? Дороги безопасны?

Мэтти хмыкнула и сказала:

– Дороги тут опасные. Особенно по вечерам. Никуда не отпущу. Давай начнем с ужина, а там посмотрим.

– Нет, серьезно. Я не собираюсь...

– Чушь, даже слышать не желаю. Саманта, ты в Аппалачах, высоко в горах, и у нас нет привычки выпроваживать гостей на ночь глядя. Мой дом здесь рядом, прямо за углом, а муж – просто отличный повар. Так что посидим на крыльце, выпьем и поговорим. И я расскажу тебе о Брэйди все, что надо знать.

Мэтти нашла туфли, надела их, заперла дверь в кабинет. Сказала, что с «приусом», который оставался на парковке на Мейн-стрит, ничего не случится.

– Я хожу на работу пешком, – добавила она. – Единственный способ хоть немного размяться.

Все магазины и конторы были закрыты. В двух кафе, где подавали ранний ужин, посетителей почти не осталось. Они поднимались по склону холма, мимо ребятишек, играющих прямо на дороге, мимо соседей, сидевших на крылечках. Через два квартала свернули на Третью улицу, где по обе стороны выстроились аккуратные красные кирпичные дома начала века, почти одинаковые, с белыми крылечками и двускатными крышами. Саманту так и подмывало повернуть назад, к Абингдону, где она заметила у перекрестка несколько придорожных сетевых мотелей. Но это было бы некрасиво по отношению к гостеприимной Мэтти.

Честер Уатт сидел в кресле-качалке и читал газету, когда его представили Саманте.

– Я похвасталась, что ты у меня отличный повар, – сказала Мэтти.

– Сие означает, что ужин должен приготовить я, – заметил он с усмешкой. – Добро пожаловать.

– И еще она просто умирает с голоду, – добавила Мэтти.

– Что предпочитаете? – спросил Честер у гостыи.

– Да что угодно, я непривередливая в еде, – ответила Саманта.

– Тогда как насчет жареных цыплят с испанским рисом? – спросила Мэтти.

– Как раз об этом и подумывал, – заметил Честер. – Но сначала по бокалу вина?

На протяжении часа они пили красное вино, а тьма на улице сгущалась. Саманта пила маленькими редкими глотками, стараясь не переборщить, думая о том, что ей предстоит возвращаться из округа Ноланд на машине. В Брэйди, похоже, не было ни гостиниц, ни мотелей, судя по удручающему состоянию жилого фонда. Она сомневалась, что здесь можно снять приличную комнату хотя бы на одну ночь. Они болтали, и ей удалось узнать, что у Уаттов двое взрослых детей, которые уехали из города после окончания колледжа. И еще имеются трое внуков, которых они, к сожалению, редко видят. А Донован им как сын. Честер сейчас на пенсии, а до этого несколько десятилетий проработал почтальоном в местном отделении и потому знал здесь всех и каждого. Теперь же он трудился волонтером в группе по защите окружающей среды, и они мониторили открытые разработки и рассылали жалобы от населения местным бюрократам. Его дед и отец были шахтерами. Отец Мэтти тоже почти тридцать лет проработал в шахте, на подземных разработках и умер от антракоза легких⁷ в возрасте шестидесяти одного года.

– Мне самой сейчас шестьдесят один, – сказала Мэтти. – Это было ужасно.

Пока женщины сидели и болтали, Честер сновал между кухней и крыльцом, проверял, как жарятся цыплята, подливал дамам вина. Когда он в очередной раз отправился на кухню, Мэтти сказала:

– Не беспокойся, дорогая, у нас есть свободная спальня для гостей.

– Нет, что вы, я...

– Никаких «нет», я настаиваю. Поверь мне, в городе приличной комнаты не найти. Есть пара мест, куда пустят переночевать со своим постельным бельем, и за час там дерут будь здоров, но даже они вот-вот закроются. Что, наверное, многим не понравится. Потому как в такие мотели любят заскакивать неженатые парочки, которым просто негде больше заняться сексом. А теперь им придется съезжаться или покупать новый дом.

– Так тут у вас и секс имеется? – с улыбкой спросила Саманта.

– Надеюсь, что да. У моей мамы было семеро ребятишек, в семье Честера – шестеро. А чем еще можно заняться в свободное время? И особенно в это время, в сентябре и октябре. Вот и плодятся, как кролики.

– Но почему именно осенью?

---

⁷ Антракоз легких – профессиональное заболевание, вызванное отложением значительных количеств угля в ткани легких, благодаря чему они приобретают серо-черный цвет.

– Да потому, что после Рождества бывают такие снежные бураны и заносы, просто кошмар.

Вошел Честер и спросил:

– О чем разговор, можно узнать?

– О сексе, – ответила Мэтти. – Саманта удивлена, что местные занимаются сексом.

– Ну, кое-кто – определенно.

– Да, я тоже слышала, – сказала Мэтти и усмехнулась.

– Не я завела разговор на эту тему, – смущенно заметила Саманта. – Просто Мэтти пригласила меня переночевать, сказала, что в доме есть свободная спальня.

– Да, и она в полном вашем распоряжении. Только держите дверь на замке, и тогда обойдется без недоразумений и неприятностей, – заметил Честер и снова скрылся в доме.

– Да он шутит, он в этом плане человек безобидный, – шепнула Мэтти.

Забежал Донован – просто поздороваться, – и, к счастью, пропустил эту часть беседы. Сам он жил «на горе, на самом краю округа» и как раз направлялся домой с работы. От вина отказался и минут через пятнадцать ушел. Смотрел как-то растерянно и выглядел очень усталым.

– Бедняга, – заметила Мэтти, когда он ушел. – Он с женой в разводе. Она вернулась в Роанок с дочуркой. Пятилетняя девчушка, сразу видно – вырастет и станет такой красоткой, просто закачаешься. Его жена Джуди так и не освоилась здесь, не смогла жить в горах, все ей надоело. Вот и бросила его. И лично я ее осуждаю. А ты, Честер?

– Да нет, не то чтобы осуждаю, – ответил он. – Ее можно понять. Джуди человек замечательный, но никогда не была здесь счастлива. Ну а когда начались неприятности, она просто не выдержала. Вот и уехала.

Слово «неприятности» повисло в воздухе, но супруги Уатт не стали развивать эту тему.

– Обед готов, – сообщил Честер.

Саманта последовала за хозяевами на кухню, где был накрыт стол на троих. Честер достал из духовки противень с жареными цыплятами и рисом, от них шел пар. Тут же появилась тарелка с домашними рогаликами. Мэтти поставила в центре стола миску с салатом, налила воды в графин из большой пластиковой канистры. Вина подавать не стали, видимо, сочли, что выпито достаточно.

– Пахнет просто восхитительно, – заметила Саманта, отодвигая стул и усаживаясь.

– Кладите себе салат, – сказала Мэтти, намазывая рогалик маслом.

И вот они приступили к трапезе, и на какое-то время все разговоры прекратились. Саманте хотелось больше узнать о своих гостеприимных хозяевах, а о себе умолчать, но Честер не дал ей такой возможности.

– Расскажите нам о своей семье, Саманта.

Она улыбнулась и ответила вежливо:

– Да тут и рассказывать особенно нечего.

– О, мы тебе поможем, – весело заметила Мэтти. – Ты ведь выросла в округе Колумбия, верно? Должно быть, интересная там жизнь?

И Саманта коротко описала главное. Да, она была единственным ребенком в семье преуспевающих юристов, ни в чем не знала отказа, училась в привилегированных школах, окончила университет в Джорджтауне. Затем она поведала о проблемах отца, о том, что его судили и он отсидел срок, очень тяжело переживая это свое падение.

– Вроде бы помню что-то такое, – заметил Честер.

– Да, писали во всех газетах. – И Саманта рассказала, как навещала отца в тюрьме, о том, в каком угнетенном состоянии он тогда находился. Сама она тяжело перенесла развод родителей и, отучившись в Колумбийском университете, поступила на работу помощником федерального судьи. Рассказала о том, как соблазнилась Законом с большой буквы, а затем

провела три не слишком приятных года в «Скалли энд Першинг». Она обожает Манхэттен, не представляет жизни где-то в другом месте. Но теперь весь ее мир перевернулся, и да, пожалуй, она не уверена в своем светлом будущем. Никакой определенности. Она говорила, а они внимательно слушали, не сводя с нее глаз, впитывая каждое слово. Закончив, Саманта набила рот едой и собралась жевать как можно дольше.

– Да, так с людьми обращаться нельзя, – пробормотал Честер.

– Опытных и образованных сотрудников просто выбрасывают на улицу, – подхватила Мэтти и неодобрительно покачала головой.

Саманта кивнула, продолжая жевать. Ей не стоило напоминать об этом. Честер налил ей воды в бокал, и она спросила:

– У вас здесь все пьют бутилированную воду?

По какой-то неясной причине этот вопрос их позабавил.

– О да, – ответила Мэтти. – Из водопровода и колодца воду почти никто не пьет. Наши бесстрашные чинуши от науки утверждают, что она безвредна, но никто им не верит. Те, кто победнее, моются этой водой, стирают в ней, даже используют для приготовления пищи и чистки зубов. Кто угодно, только не я.

– Наши ручьи, реки и колодцы загрязнены в результате открытых разработок, – подхватил Честер. – Долины завалены отходами, родники с чистой водой засыпаны. А вода из хранилищ шлама просачивается и попадает в колодцы. От сжигания угля образуются тонны пепла, компании вываливают его в реки. Так что уж, пожалуйста, Саманта, никогда не пейте воду из-под крана.

– Поняла.

– Это одна из причин, по которой мы пьем много вина, – сказала Мэтти. – Знаешь, Честер, я бы выпила еще стаканчик, если не возражаешь.

Честер, исполнявший в доме обязанности не только шеф-повара, но и бармена, сразу же достал бутылку с полки. Поскольку машину сегодня вести не придется, Саманта тоже не отказалась от вина. Похоже, алкоголь ударил Мэтти в голову, и она принялась оживленно рассказывать о своей карьере и центре, который основала двадцать шесть лет назад. Саманта слушала ее и задавала все новые вопросы, хотя в том не было необходимости – Мэтти не умолкала ни на секунду.

На уютной кухне было так тепло, в воздухе витал такой соблазнительный запах жареных цыплят. Вкус домашней еды и легкого вина, открытость этих гостеприимных людей, обещание ночлега в теплой и чистой постели – благодаря всей этой приятной атмосфере Саманта впервые за несколько месяцев расслабилась по-настоящему. В городе достичь этого никак не удавалось: все ее действия были расписаны буквально по минутам. Последние три недели она почти не спала. Родители только что не довели до ручки. Шестичасовая поездка сюда тоже изрядно потрепала нервы. А потом еще эта история с Роуми. И только здесь наконец Саманта почувствовала – с плеч словно гора свалилась. И еще у нее вдруг проснулся зверский аппетит. Она положила себе еще одну порцию цыплят с рисом, чем очень порадовала хозяев дома.

И Саманта спросила:

– Чуть раньше на крыльце мы говорили о Доноване, и вы сказали, у него были неприятности. Это не обсуждается?

Уатты переглянулись и пожали плечами. Честер чуть помедлил, затем подлил себе в бокал вина. Мэтти отодвинула свою тарелку и сказала:

– У него, у Донована, жизнь сложилась трагически.

– Если это что-то очень личное, то обсуждать, наверное, не стоит, – заметила Саманта, просто из вежливости. Ее так и распирало любопытство.

Но Мэтти не колебалась ни секунды. Не обратила внимания на слова Саманты, и понеслось.

– Да здесь об этом все знают, и никакой это не секрет, – начала она, отмечая даже намек на конфиденциальность. – Донован – сын моей сестры Розы, увы, уже покойной. Она умерла, когда мальчику было шестнадцать.

– Это долгая история, – вставил Честер, словно предостерегая жену, что вовсе не обязательно рассказывать все.

Но Мэтти не обратила внимания на его слова.

– Отцом Донована был мужчина по имени Вебстер Грей, и он унаследовал триста акров земли по соседству, в округе Карри. Земли эти принадлежали семейству Грей целую вечность, еще с начала тысяча восьмисотых. Прекрасная плодородная земля, холмы и горы, ручьи и долины, девственные леса. Там родились и росли Донован и его брат Джефф. Их отец и дед, Кертис Грей, брали мальчиков с собой в лес, едва те научились ходить, охотились и рыбачили, исследовали окрестности. Подобно многим другим ребяташкам в Аппалачах, они выросли на земле. Здесь много красивых мест, сейчас, правда, от них мало что осталось, но владения Греев – это было нечто особенное. После того, как Роза вышла замуж за Вебстера, мы часто собирались семьями, устраивали праздники и пикники. Помню, как Донован и Джефф, и мои ребяташки, и племянники плавали в горной речке Крукид-Крик, прямо рядом с нашим любимым местом, где мы обычно разбивали лагерь. – Она помолчала и отпила еще глоток вина. – Кертис умер, если мне не изменяет память, в тысяча девятьсот восьмидесятом, и Вебстер унаследовал эти земли. Кертис был шахтером, работал на большой глубине, был строгим и неподкупным членом профсоюза и очень этим гордился, как большинство мужчин его поколения. Но он не хотел, чтобы его сын Вебстер работал в шахтах. Вебстер же, как выяснилось позже, был человеком с ленцой, перескакивал с одного места работы на другое, нигде не задерживался. Семья выживала с трудом, брак был под угрозой. Он пристрастился к бутылке, и это создавало еще больше проблем. Как-то шесть месяцев провел в тюрьме за кражу товаров в магазине, и семья чуть ли не голодала. И мы страшно за них беспокоились.

– Гнилой тип был этот Вебстер, – вставил Честер.

– Самой высокой точкой на их землях была так называемая Серая гора. Достигала в высоту около трехсот футов и была покрыта лесами из ценных твердых пород дерева. Угольные компании были прекрасно осведомлены о местоположении самых богатых залежей угля в Аппалачах: геологические исследования проводились здесь десятилетиями. И для них не было секретом, что в Серой горе залегают самые толстые угольные пласты. На протяжении нескольких лет Вебстер намекал, что может сдать в аренду часть своих земель под угледобычу, но мы просто не верили ему. Потому как уже догадывались, к каким плачевным последствиям приводят открытые разработки.

– Хотя с сегодняшним днем и не сравнить, – заметил Честер.

– О, нет, даже и сравнивать нечего. Как бы там ни было, но, ничего не сказав семье, Вебстер подписал лизинговое соглашение об открытых разработках Серой горы с компанией из Ричмонда, называлась она «Вейден коул».

– Не нравится мне этот термин, «открытые разработки», – проворчал Честер. – Слишком уж законопослушно звучит. На самом деле речь шла о разрушении горы.

– Вебстер был осторожен. Далек не дурак, нет. Просто понял, что у него есть шанс заработать хорошие деньги, и нанял опытного юриста для составления этого договора. Вебстер должен был получать по два доллара за тонну угля, гораздо больше, чем зарабатывали другие люди в наших краях. А накануне того дня, когда должны были приехать бульдозеры, Вебстер наконец рассказал Розе и сыновьям о том, что сделал. Ну, конечно, подсластил пилюлю, сказал, что за действиями угольной компании будут следить наблюдатели и контролеры, что земли после всех этих работ будут восстановлены, что большие деньги с лихвой компенсируют все неудобства. Той же ночью мне позвонила Роза, вся в слезах. Ведь в наших краях крайне отрицательно относились к тем собственникам, которые продавали свои земли угольным ком-

паниям, их презирали, и Роза понимала, что будут думать и говорить о них соседи. Сказала, что Вебстер и Донован серьезно поссорились и вообще дела у них хуже некуда. Но это было только начало. На следующее утро целая армада бульдозеров пробила путь на вершину Серой горы – и началось...

– Настоящее насилие над землей, – вставил Честер, удрученно качая головой.

– Да, можно и так сказать. Даже хуже. Они срубали деревья под корень, вершина горы облысела, тысячи тонн ценных пород деревьев сбрасывались вниз, в долину. А потом начался настоящий ад – они стали взрывать горную породу. – Мэтти отпила глоток вина.

Честер продолжил за жену:

– У них был этот замечательный старый дом в долине, неподалеку от Крукид-Крик. Принадлежал семье на протяжении многих десятилетий. Кажется, отец Кертиса построил его в начале века. Фундамент был каменный, крепкий, но и он не выдержал, пошел трещинами. Вебстер устроил компании скандал, бесновался и угрожал, но это была лишь напрасная трата времени.

Тут снова заговорила Мэтти:

– Пылища поднялась ужасная. Как серый туман висела над долинами у горы. Роза была просто вне себя. И я часто ходила ее проведать, посидеть с ней. Земля содрогалась по нескольку раз на дню, когда гремели взрывы. Стены дома начали крениться, двери не закрывались. Нет нужды говорить, что жизнь семьи превратилась в сущий кошмар. И брак их трещал по швам. «Вейден» срезал вершину горы на целых триста футов, и после этого они вышли на пласт, и когда стали забирать уголь, Вебстер пришел и потребовал свою долю в чеках. А компания все тянула и тянула, но затем все-таки выплатила ему, один раз или два. И гораздо меньше, чем рассчитывал получить Вебстер. Тогда он натравил на них своих юристов, и хозяева компании пришли в ярость. Словом, развернулась самая настоящая война, и все понимали, кто в ней победит.

Честер лишь удрученно качал головой, а потом заметил:

– Ручей в долине пересох, его завалили землей и другими отходами. Вот так все и произошло. За последние двадцать лет мы в Аппалачах потеряли тысячи миль чистых родниковых вод с верховьев. Просто ужасно.

– А потом Роза ушла из дома, – сказала Мэтти. – Вместе с мальчиками поселилась у нас, но Вебстер отказывался покинуть свое родовое гнездо. Совсем спился, стал невменяемым. Сидел на крыльце с охотничьим ружьем и грозился, что, если появится кто-то из компании, он его тут же пристрелит. Роза волновалась, как бы с ним что не случилось, и вскоре вместе с мальчиками вернулась домой. Он обещал починить дом, все отремонтировать, как только поступят деньги. Рассылал жалобы наблюдателям, даже выдвинул судебный иск против «Вейден коул», но в суде они его переиграли. Угольную компанию победить трудно.

– Колодезная вода у них была загрязнена серой, – сказал Честер. – Трудно было дышать от пыли, которая поднималась и окутывала все вокруг, – пыли от взрывов и тяжелых грузовиков. Остаться там было небезопасно, и Роза снова ушла из дома. Прожила с сыновьями в мотеле несколько недель, потом снова ненадолго вернулась. А затем они уехали куда-то еще. Их не было около года, кажется, так, Мэтти?

– Ну, это как минимум. А гора меж тем все уменьшалась, точно таяла по мере того, как они переходили от одного угольного пласта к другому. Больно было смотреть. Цены на уголь к тому времени поднялись, ну и горняки вкалывали как бешеные, без выходных, и нагнали туда целые полчища всякой техники и грузовиков. И вот в один прекрасный день Вебстер получил чек на 30 тысяч долларов. Юрист отослал его назад, потребовал больше. Это был последний из чеков.

Тут снова заговорил Честер:

– И вдруг все закончилось. Цены на уголь резко упали, глава «Вейден» в тот же день куда-то смылся. Юрист Вебстера выставил им счет на 400 тысяч долларов и штрафные санкции. А примерно через месяц компания «Вейден» объявила себя банкротом и вышла из бизнеса. Переименовалась в новую компанию и до сих пор присутствует в наших краях. И владеет ею какой-то миллиардер из Нью-Йорка.

– И семья так ничего и не получила? – спросила Саманта.

– Сущий пустяк, – ответила Мэтти. – Несколько чеков на небольшие суммы в самом начале. Но лишь малую толику того, что должны были получить по договору.

– Распространенный фокус среди угледобывающих компаний, – заметил Честер. – Компания добывает уголь, выкачивает все, что только можно, затем объявляет себя банкротом, чтобы избежать выплат и штрафов. А затем вдруг всплывает где-то еще под другим названием. Те же скверные актеры, только название у театра новое.

– Но это просто чудовищно, – пробормотала Саманта.

– Нет. Все по закону.

– И что же произошло с семьей?

Честер и Мэтти обменялись удрученными взглядами.

– Лучше уж ты расскажи, Честер, – попросила Мэтти и отпила глоток вина.

– Вскоре после того, как «Вейден» свалил, на город обрушился ливень, начался настоящий потоп. Ручьи и реки оказались под завалами, воде некуда было стекать. И она стала искать обходные пути. Затопление – большое бедствие. Со склонов гор в долину обрушились лавины из грязи, обломков деревьев и камней, и на дом Грея обрушился этот страшный поток. Его смяло, раздавило, обломки разбросало на многие мили. К счастью, в тот момент в доме никого не оказалось. Потому что к тому времени жить в нем было уже просто невозможно, даже Вебстер не мог там оставаться. Он направил еще один иск, и снова это была бесполезная трата денег и времени. Банкротство – ничего тут не попишешь. А потом ясным солнечным днем Роза приехала на старое место и нашла лишь несколько камней от фундамента. Она поднялась повыше и бросилась вниз. Покончила с собой.

– О нет, – простонала Саманта и прикрыла рот рукой.

– А Вебстер исчез и никогда больше здесь не появлялся. Говорили, будто он живет в Монтане и неизвестно чем там занимается. Джеффа отправили к другой тете, а Донован остался с нами. И жил здесь до тех пор, пока не окончил колледж. Работал на трех работах, чтоб поступить в этот колледж, и ко времени окончания четко знал, чем хочет заниматься в жизни. Решил стать юристом и весь остаток жизни посвятить борьбе с угольными компаниями. Мы помогали ему, пока он учился. Потом Мэтти устроила его на работу в свой центр. И он проработал там несколько лет, а затем открыл свою частную юридическую контору. Ему удалось выиграть сотни исков, он воевал с каждой компанией, которая собиралась заняться здесь открытыми разработками. Он безжалостен и бесстрашен.

– И очень умен, – с гордостью заметила Мэтти.

– Что верно, то верно.

– Так он выигрывал все дела? – спросила Саманта.

Они умолкли, обменялись неуверенными взглядами. А потом Мэтти сказала:

– И да, и нет. Трудно тягаться в судах с угольными компаниями. Дерутся как черти, обманывают, лгут, прячут концы в воду, нанимают законников из крупных юридических фирм вроде твоей, а тем палец в рот не клади – просто крепостные стены возводят перед клиентами. Он и выигрывал, и проигрывал, но всегда боролся.

– И поэтому они его ненавидят, – добавил Честер.

– Да, что есть, то есть. Я вроде бы говорила, что Донован безжалостен, верно? Он не всегда играет по правилам. Считает, что угольные компании нарушают правила и тем самым вынуждают его поступать в точности так же.

– Это и привело к так называемым неприятностям? – спросила Саманта.

– Да, – ответила Мэтти. – Пять лет назад в округе Мэдисон, примерно в сотне миль отсюда, в Западной Виргинии, прорвало дамбу. И целая стена угольного шлама обрушилась в долину и накрыла собой маленький городок Прентис. Четверо погибших под завалами, практически все дома разрушены. Ужас! Что там творилось!.. Донован взялся за это дело, объединился с несколькими юристами по охране окружающей среды в Западной Виргинии и подал крупный иск на федеральном уровне. В газетах даже появились его снимки, об этом деле много писали. А сам он наговорил лишнего. Наряду со всем прочим назвал эту угольную компанию «самой грязной корпорацией в Америке». Ну тут и началось. Анонимные телефонные звонки. Письма с угрозами. Какие-то типы в тени за домом. Они начали его преследовать, и это продолжается до сих пор.

– Значит, Донована преследуют? – спросила Саманта.

– О да, – ответила Мэтти.

– Поэтому он и носит пистолет?

– Причем он у него не один. И он прекрасно знает, как пользоваться оружием, – вставил Честер.

– И вы за него боитесь?

Честер и Мэтти неуверенно заулыбались.

– Да нет, не то чтобы очень, – ответил Честер. – Он знает, что делает. И может о себе позаботиться.

– Как насчет того, чтоб выпить кофе на крыльце?

– Хорошая мысль. Пойду поставлю чайник, – сказал Честер, поднимаясь из-за стола.

Саманта прошла вслед за Мэтти на крыльцо, где уселась в плетеное кресло-качалку. К ночи сильно похолодало. На улице ни души; во многих домах света в окнах не было.

От вина Саманта окончательно осмелела и спросила Мэтти:

– И что же произошло с этим иском?

– Спорная ситуация разрешилась в прошлом году. Было достигнуто конфиденциальное мировое соглашение.

– Ну хорошо, если ситуация разрешилась, почему его до сих пор преследуют?

– Потому, что он их враг номер один. И когда его вынуждают, способен пустить в ход любые, даже самые грязные средства. И компании это знают.

Появился Честер, принес поднос с кофе, поставил на столик и ушел мыть посуду. Саманта, покачиваясь в кресле, отпила несколько глотков, потом почувствовала, что ее клонит в сон.

– У меня в машине сумочка с ночными принадлежностями, – сказала она. – Пойду принесу.

– Я с тобой, – сказала Мэтти.

– Но ведь нас пока вроде бы никто не преследует?

– Нет, дорогая. Мы в безопасности.

И обе они скрылись в темноте.

Глава 7

Двое джентльменов справа от нее глотали виски и лихорадочно обсуждали способы спасения Фанни Мэй⁸. Трое слева, по всей видимости, работали в Министерстве финансов, ставшем эпицентром коллапса. Они заливали в себя мартини без всякого уважения к налогоплательщикам. Во всех уголках быстро «Венеция» шли разговоры исключительно о конце света. Какой-то болтун у нее за спиной во весь голос пересказывал свой сегодняшний разговор со старшим советником по проведению предвыборной кампании с участием Маккейна и Пэйлин. Якобы он дал целую кучу ценнейших советов, но опасался, что их не примут в расчет. Два бармена сокрушались по поводу рухнувшего рынка ценных бумаг, словно сами потеряли миллионы. Кто-то вещал о том, что Федеральная резервная система могла бы предпринять те или иные шаги, что у Буша никуда не годные советники, Обаму интересуют лишь результаты экзит-поллов, «Голдман Сакс»⁹ отчаянно нуждается в наличных, а заказы на промышленные товары в Китае резко сократились.

Саманта находилась в эпицентре этой бури, пила диетическую колу и ждала отца, который уже довольно сильно опаздывал. Вдруг она подумала о том, что, пожалуй, ни один из жителей Брэйди не имеет ни малейшего представления о том, что мир находится на грани финансовой депрессии. Возможно, именно горы защищают это место, надежно изолируют его от всей остальной страны. Или же они уже настолько давно живут в этом депрессивном состоянии, что еще одна катастрофа для них ничего не значит. Тут у нее завибрировал мобильник, и она достала его из кармана. Звонила Мэтти Уатт.

– Как доехала, Саманта? – спросила она.

– Отлично, Мэтти. Я уже в Вашингтоне.

– Хорошо. Послушай, мы только что провели совещание, и все члены совета единодушно проголосовали за тебя. Сегодня днем провела собеседование еще с одним претендентом, довольно нервным молодым человеком. Да, он тоже из твоей фирмы, но, думаю, нам не подходит. У меня сложилось впечатление, что он просто уселся в машину и поехал куда глаза глядят, лишь бы убраться подальше от Нью-Йорка. И я не уверена в его стабильности. Ни я, ни Донован не увидели в нем потенциала, и ему отказали почти сразу. Когда сможешь приступить к работе?

– А с Роуми он не сталкивался?

Мэтти усмехнулась и ответила:

– Нет, не думаю.

– Мне еще нужно съездить в Нью-Йорк, уладить там кое-какие дела. Так что смогу быть в понедельник.

– Вот и отлично. Только предупреди меня накануне. Позвони.

– Ладно, спасибо, Мэтти. Ну, до встречи.

Саманта увидела отца и отошла от стойки бара. Официантка подвела их к столику в углу, подала меню. Народу в ресторане было полно, отовсюду доносились нервные, возбужденные голоса. Минуту спустя к ним подошел управляющий во фраке и мрачно заявил:

– Прошу прощения. Но этот столик занят.

Маршал грубо рявкнул в ответ:

– Извини, приятель, не понял?

– Прошу вас, сэр, пожалуйста, не могли бы вы пересесть за другой столик?

---

⁸ Фанни Мэй – разговорное название Федеральной национальной ипотечной ассоциации США.

⁹ «Голдман Сакс» – один из крупнейших в мире коммерческих банков (до сентября 2008-го – инвестиционный банк).

В этот момент на улице, рядом с рестораном, остановился караван черных внедорожников. Дверцы распахнулись, из машин высыпала целая армия агентов. Саманта с Маршалом отошли от столика и вместе с другими посетителями наблюдали за этим цирком через витрины. Такое шоу – явление в Вашингтоне довольно обычное, и в тот момент все лишь гадали, кто же приехал. Может, сам президент? Или Дик Чейни? Что за шишка, о которой потом можно будет рассказать, что они удостоились отобедать с ней в одном ресторане? Наконец VIP-персона вышла из машины и ее провели внутрь, а остальные так и застыли, разинули рты и ждали.

– Кто это, черт возьми? – спросил кто-то.

– Никогда прежде не видел.

– Вроде бы тот парень из Израиля, ну, посол.

По ресторану пронесся вздох разочарования – посетители поняли, что весь этот сырбор поднялся из-за какой-то второсортной знаменитости. Но несмотря на то, что ее никто не узнал, по всему было видно, что человек это не простой. Его столик – то есть прежний столик Коферов – отодвинули в самый дальний угол и прикрыли взявшейся неведомо откуда ширмой. Но ведь в любом солидном ресторане округа Колумбия непременно должны храниться раздвижные ширмы, разве нет? VIP прошел со своей спутницей к столику, по мере сил стараясь выглядеть естественно – обычным парнем, заскочившим перекусить. Тем временем его телохранители патрулировали тротуар и осматривали улицу в поисках террористов-смертников.

Маршал послал управляющего куда подальше и обернулся к Саманте:

– Пошли отсюда. Знаешь, временами я просто ненавижу этот город.

Они прошли три квартала по Висконсин-авеню и нашли паб, судя по всему, не пользующийся популярностью у джихадистов. Саманта заказала себе еще одну диетическую колу, Маршал попросил принести двойную водку.

– Ну, как там все прошло? – спросил он у дочери. Он уже допытывался по телефону, что да как, но ей хотелось приберечь самое интересное до встречи.

Саманта улыбнулась и начала с Роуми. И вдруг где-то на середине неожиданно для себя поняла, что это приключение ей даже понравилось. Маршал пришел в бешенство, грозился подать в суд неизвестно на кого, но затем, выпив еще немного водки, успокоился. Они заказали пиццу, и Саманта принялась описывать ужин с Мэтти и Честером.

– Но ведь не всерьез же ты собралась там работать? – осторожно спросил отец.

– Меня взяли на работу. Попробую продержаться несколько месяцев. Если надоест, вернусь в Нью-Йорк и попробую устроиться на должность продавщицы обуви в «Барнис»¹⁰.

– Тебе вовсе не обязательно торговать ботинками или работать по специальности в какой-то дыре. Сколько у тебя денег в банке?

– Достаточно, чтобы выжить. А сколько в банке у тебя?

Он нахмурился, отпил еще глоток. Саманта продолжила:

– Наверняка много, я права? Мама убеждена, что ты припрятал в офшоре целую тонну золота да еще кинул ее при разводе. Это правда?

– Нет, неправда. Но в любом случае – неужели думаешь, я бы тебе признался?

– Да никогда. Отрицать, отрицать, отрицать все подряд – вот главное правило адвоката по криминальным делам, верно?

– Откуда мне знать? И кстати, я честно сознался в своих преступлениях. Да и что ты вообще понимаешь в уголовном праве?

– Ничего, но учусь. И уже сдвинулась в мертвой точки. Была арестована.

– И я тоже был, и не советую продолжать в том же духе. Еще повезло, что тебе не надели наручники. Ну, что еще говорит обо мне твоя мамочка?

---

¹⁰ «Барнис» – магазин высококлассной мужской обуви от производителей США.

– Ничего хорошего. Где-то в самой глубине моего утомленного сознания часто возникает такая картина: мы все трое сидим за обедом в шикарном ресторане. Но не как семья, боже упаси! А как трое взрослых, у которых есть хоть что-то общее.

– Лично я только «за».

– А вот она – нет. Слишком много накопилось претензий.

– И как все это изменить?

– Прости, не знаю. Скажи, а ты когда-нибудь выдвигал иск против угледобывающей компании?

Маршал поболтал кубики льда в бокале – он подавал иски против слишком многих корпораций – и грустно ответил дочери:

– Нет, не припоминаю. Я специализировался по авиационным катастрофам, но Фрэнку, одному из моих партнеров, как-то довелось судиться с угольщиками. Речь шла о какой-то экологической катастрофе, связанной с вредными отходами, которые прорвались из хранилища. Фрэнк предпочитал не распространяться на эту тему, из чего можно сделать вывод, что дело он проиграл.

– Это называется шламом, или шлаком, возьми себе на заметку. Токсичные отходы, образующиеся после промывки угля. Компании хранят их за насыпными земляными дамбами, вся эта гадость гниет там годами, проникает в почву и загрязняет питьевую воду.

– Боже, смотрите, какие мы стали умные!

– О да, я действительно многое узнала за один день. А тебе известно, что в округах, где развита угледобыча, самая высокая смертность от рака в стране?

– Звучит как фраза из искового заявления.

– Эти иски очень трудно выиграть в суде, потому что уголь – это король, а многие судьи симпатизируют угольным компаниям.

– Знаешь, это просто замечательно, Саманта. Наконец-то мы говорим о реальном праве, а не строительстве каких-то там небоскребов. Я тобой горжусь. Давай вместе подадим судебный иск против кого-нибудь.

Принесли пиццу, и какое-то время они ели ее в молчании. Мимо прошла фигуристая брюнетка в короткой юбочке, и Маршал, перестав жевать, тараторил на нее секунду-другую. Потом взял себя в руки и сделал вид, что дамочка эта ему совсем неинтересна.

– А какой именно работой ты будешь там заниматься? – осторожно спросил он, все еще косясь на короткую юбочку.

– Послушай, тебе уже шестьдесят, а она моего возраста. Когда наконец перестанешь пялиться?

– Никогда. Что в этом плохого?

– Не знаю. Просто думаю, это первый шаг к знакомству.

– Ты совсем не понимаешь мужчин, Саманта. Мы чисто автоматически обращаем внимание на красивых женщин. Никому и никогда это занятие еще не вредило. Мы все на них смотрим. Так что перестань.

– Но неужели не можешь удержаться?

– Нет. И вообще, к чему этот разговор? Я предпочел бы обсудить подачу исков угольным компаниям.

– Ну, я пока мало что знаю. Рассказала все.

– Так ты будешь подавать против них иски?

– Сомневаюсь. Но я познакомилась с парнем, который только этим и занимается. Он был еще ребенком, когда потерял дом и семью. И все из-за открытых разработок. И у них там самая настоящая вендетта. Он даже носит пистолет. Сама видела.

– Парень? Он тебе понравился?

– Он женат.

– Вот и хорошо. Не стоит влюбляться в какую-то деревенщину. А почему он носит пистолет?

– Думаю, не он один. Там таких много. Говорит, что угольные компании его возненавидели. И вообще это долгая история, и связана она с насилием в бизнесе.

Маршал вытер губы бумажной салфеткой, отпил глоток воды.

– Позволь мне подвести итоги тому, что я только что услышал. Это место, где сумасшедшим разрешают носить форму, называть себя констеблями, водить машины с проблесковыми маячками и сиренами, останавливать водителей с номерами других штатов и иногда даже тащить их в тюрьму. Другие, по всей видимости, не совсем умственно отсталые, занимаются юридической практикой и имеют при себе пушки. Есть там и такие, кто предлагает временную работу юристам с высшим образованием, но не намерен платить им ни цента.

– Что ж, анализ хоть куда.

– И ты хочешь начать в понедельник утром?

– Ты меня правильно понял.

Маршал лишь покачал головой и взял еще кусок пиццы.

– Думаю, это будет покруче, чем служба Закону с большой буквы на Уолл-стрит.

– Посмотрим.

Блит удалось ненадолго вырваться с работы, и они встретились за ленчем в небольшом, но людном кафе неподалеку от ее конторы, где за салатом договорились о следующем: Саманта будет платить свою долю ренты еще три месяца – дольше просто не сможет себе позволить. Блит отчаянно цеплялась за свою работу и уже более оптимистично смотрела в будущее: увольнение ей пока что не грозило. Ей очень хотелось сохранить эту квартиру, но полную выплату она не осилит. Саманта заверила ее: весьма велика вероятность того, что вскоре она вернется в город и подыщет себе какую-нибудь работенку.

Позже в тот же день она встретила с Изабель, чтобы попить кофе и посплетничать. Сумки у Изабель были набиты битком, она собиралась ехать домой, в Уилмингтон, где жила у сестры в комнате в подвале. Она собиралась стать интерном в адвокатской группе по защите прав ребенка и одновременно искать какую-нибудь настоящую оплачиваемую работу. Настроение у нее было хуже некуда, она крайне пессимистично смотрела в будущее. Они обнялись на прощание, и у обеих возникло печальное предчувствие, что встретятся они еще не скоро.

Здравый смысл подсказывал Саманте, что надо взять в Нью-Йорке машину напрокат, загрузить ее и отправиться на юг. Она стала звонить, но вскоре выяснилось, что на любой взятой напрокат машине будут нью-йоркские номера. Может, лучше было бы взять машину в Нью-Джерси или даже в Коннектикуте, но в любом случае номера всех этих трех штатов будут в Брэйди как красный флажок. Ей никак не удавалось выбросить из головы этого сумасшедшего Роуми: ведь он все еще на свободе и наверняка патрулирует дороги в своем маскараде.

И вот вместо этого она вызвала такси, собрала все необходимые ей вещи, загрузила в машину два чемодана и объемистую полотняную сумку и поехала на вокзал. Села на поезд на Пенн-стейшн, а через пять часов поймала уже другое такси – на Юнион-стейшн в Вашингтоне – и отправилась домой к матери. Заказав суши, они с Карен сидели в пижамах, ели и смотрели по телевизору какой-то старый фильм. О Маршале не упоминали ни разу.

На сайте торгово-прокатной фирмы «Гаско» в Фоллс-Черч¹¹ рекламировались самые разные подержанные автомобили, взять их можно было на самых выгодных условиях: «оформление без бумажной волокиты, купить страховку можно просто и дешево, все клиенты всегда были довольны». Саманта плохо разбиралась в машинах, но что-то подсказывало ей, что лучше и куда как безопасней взять автомобиль местного производства, а не заграничную машину, какую-нибудь японскую, например. Она еще немного покопалась в Сети, и ей приглянулся

---

¹¹ Фоллс-Черч – официально независимый город в штате Виргиния.

средних размеров «форд» выпуска 2004 года с открывающейся задней дверцей. Она связалась по телефону с продавцом, и тот сказал, что машина еще «не ушла», мало того, он гарантировал, что на ней будут номера штата Виргиния. «Да, мэм, и спереди, и сзади». Она отправилась в Фоллс-Черч на такси и встретила с Эрни – так звали продавца. Эрни показался ей типом легкомысленным – слишком много болтал и мало что видел. Будь он повнимательнее, то заметил бы, как нервничала Саманта, оформляя напрокат подержанную машину на целых двенадцать месяцев.

Она даже подумывала позвонить отцу, посоветоваться, но затем решила, что не стоит. Пыталась убедить себя, что как-нибудь и сама справится с этим, в общем-то, несложным делом. И вот, проведя два часа с Эрни, она уехала на «форде», который никому не бросался в глаза и владелец которого, судя по номерам, проживал в штате Виргиния.

Глава 8

Первая встреча с новым клиентом должна была состояться в восемь утра. К счастью для Саманты, которая понятия не имела, как проводить эти встречи, Мэтти пообещала контролировать ситуацию.

– А ты сиди и просто записывай, хмурься и старайся выглядеть интеллигентно.

– Без проблем!

Именно так ей удалось продержаться и выжить первые два года в «Скалли энд Першинг».

Клиентом оказалась Леди Пёрвис, сорокалетняя мать троих подростков, чей муж Стоки находился в данный момент в тюрьме в соседнем округе Хоппер. Мэтти не стала спрашивать, является ли Леди настоящим именем этой дамочки; если понадобится, можно будет выяснить позже. Но простецкая внешность и соленые словечки позволяли предположить: вряд ли родители миссис Пёрвис могли назвать дочку Леди. По всей видимости, она прожила нелегкую жизнь где-то в глубинке и страшно разозлилась, когда Мэтти сказала, что у них в офисе не курят. Саманта усердно хмурилась и строчила в блокноте, не произнося ни слова. С первого же предложения стало ясно: жизнь этой женщины сплошное невезение и несчастье. Семья жила в трейлере, причем заложенном, они вечно опаздывали с выплатами, постоянно во всем отставали и плелись в самом хвосте. Двое старших ребят бросили школу, старались найти работу, но работы не было. Ни здесь, в округе Ноланд, ни в Хоппере, ни в Карри. Ребята даже грозились, что убегут на запад, где, может, им удастся устроиться сборщиками апельсинов. Леди умудрялась подрабатывать в разных местах, по уик-эндам занималась уборкой, сидела с ребятишками за пять баксов в час – была готова на все, лишь бы получить лишний доллар.

Преступление Стоки заключалось в превышении скорости. Его задержали, потребовали показать права, и выяснилось, что они у него просрочены на два дня. Штраф и судебные издержки обошлись в 175 долларов, но этих денег у него не было. Власти округа Хоппер подписали контракт с частным предприятием, которое должно было выбивать долги из Стоки и ему подобных бедняков и неудачников, совершивших мелкие правонарушения, в том числе связанные с вождением. Если б он подписал чек, его бы отпустили домой. Но поскольку Стоки был беден, как церковная крыса, его дело рассматривалось в особом порядке. Судья передал его на рассмотрение АНИ – Ассоциации по надзору за исполнением судебных решений. Леди и Стоки встретились с представителем АНИ в суде, и тот объяснил, по какой схеме будут производиться выплаты. Его компания разбивала их на несколько категорий – одна называлась первичной выплатой и равнялась 75 долларам; вторая – ежемесячной – по 35 долларов; третья, последняя, исчислялась из общей суммы и называлась окончательной. В данном случае она равнялась всего 25 долларам. Вместе с судебными издержками и прочими мелкими расходами набежало 400 долларов. Они решили, что будут выплачивать по 50 долларов в месяц – это был минимум, установленный АНИ, – однако затем сообразили, что 35 из 50 долларов будут уходить на ежемесячные выплаты. И тогда они попытались оспорить это решение и договориться как-то по-другому, но представители АНИ стояли насмерть. После двух выплат Стоки бросил это дело, и вот тут-то у них и начались серьезные неприятности. После полуночи в трейлер к ним заявились два пристава и арестовали Стоки. Леди сопротивлялась, их старший сын – тоже, и тогда приставы пригрозили, что быстро усмирят их новенькими электрошокерами. А когда Стоки вновь предстал перед судом, выяснилось, что сумма иска возросла, к ней прибавились еще и новые штрафные выплаты. И теперь она составляет 550 долларов. Стоки пытался объяснить, что разорен, что у него нет работы, и тогда судья отправил его в тюрьму. Он сидит там вот уже два месяца. А тем временем АНИ не перестает дергать их по поводу ежемесячных выплат, которые неким таинственным образом повысились до 45 долларов.

– Чем дольше он будет сидеть, тем глубже мы увязнем, – сказала вконец расстроенная Леди.

В маленьком пакетике она держала все бумаги, и Мэтти стала их сортировать. Там были гневные письма от производителя трейлера, который дал им кредит на его покупку, документы о потере прав выкупа, просроченные счета за электричество и газ, налоговые уведомления, судебные документы и целая кипа различных бумаг от АНИ. Мэтти читала их и передавала Саманте, которая понятия не имела, что делать с этим длинным списком человеческих несчастий.

Тут Леди не выдержала и пробормотала:

– Мне надо покурить. Выйду на пять минут. – Руки у нее дрожали.

– Конечно, – кивнула Мэтти. – Вот туда, на крылечко.

– Спасибо.

– Сколько пачек в день?

– Только две.

– Какие предпочитаете?

– «Чарли». Знаю, пора бы бросить, и пыталась, но только они помогают успокоить нервы. – Она схватила сумочку и вышла из комнаты.

– «Чарли» – самая популярная марка в Аппалачах, – сказала Мэтти, – из-за дешевизны, хотя стоят четыре бакса за пачку. Получается восемь баксов в день, двадцать пять в месяц, и еще готова поспорить, что и Стоки дымит не меньше. Так что на одни только сигареты у них выходит по пятьсот в месяц. И одному богу ведомо, сколько еще на пиво. А будь у людей лишний доллар, они бы купили лотерейных билетов.

– Странно, – заметила Саманта. – Зачем все это? Они могли бы оплатить все штрафы за месяц, и он вышел бы из тюрьмы.

– Они мыслят иначе. Курение сродни наркозависимости. От этой пагубной привычки трудно избавиться.

– Ладно. Тогда могу я задать еще один вопрос?

– Конечно. Я даже догадываюсь, о чем. Ты хочешь понять, как человек, подобный Стоки, мог оказаться в долговой тюрьме, и это при том, что по закону такое наказание отменено в нашей стране двести лет назад. Я угадала?

Саманта кивнула. Мэтти меж тем продолжала:

– Мало того, ты также считаешь, что сажать человека в тюрьму лишь за то, что он не в состоянии расплатиться с долгами и штрафами, – это нарушение равенства перед законом, предусмотренного четырнадцатой поправкой. И еще ты, несомненно, знакома с решением Верховного суда от тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, фамилии судьи не помню, который постановил, что перед тем, как посадить человека в тюрьму за неуплату штрафа, следует доказать, что он или она намеренно не желают платить. Иными словами, он может заплатить, но отказывается. И все такое прочее, правильно?

– Да, изложено все четко.

– Все это происходит сплошь и рядом. АНИ продавливают такие решения по мелким правонарушениям в судах доброй дюжины южных штатов. В среднем власти окружного уровня собирают около тридцати процентов общего дохода по штрафам. Тут вмешивается АНИ и предлагает повысить этот показатель на семьдесят процентов, причем не за счет налогоплательщиков. Они заявляют, что эта недостача обусловлена поведением типов, подобных Стоки, которые уклоняются преднамеренно. Каждый город и округ нуждаются в деньгах. Вот они и подписываются на сотрудничество с АНИ, и дела передаются в суд. Жертвам назначают испытательный срок, и если они не заплатят, их отправляют за решетку, где они содержатся уже за счет налогоплательщиков. Так что расходы вновь возрастают. На питание и содержание Стоки уходит примерно тридцать долларов в день.

– Но это незаконно.

– Законно, ведь формально вроде бы законы не нарушены. Они бедные люди, Саманта, они на самом дне, и для таких законы здесь другие. Вот почему мы в бизнесе, фигурально выражаясь.

– Но это просто ужасно.

– Да, и может стать еще хуже. Как злостного уклониста от выплат Стоки могут лишиться талонов на питание, медицинской помощи на дому, водительских прав. Черт, да в некоторых штатах человека могут даже лишиться права голоса на выборах за то, что он не позаботился зарегистрироваться.

Вернулась Леди, от нее разило табаком, но, похоже, нервы ее курение не успокоило. Они продолжили разбирать ее неоплаченные счета.

– Сможете мне хоть чем-то помочь? – слезливо спросила она.

– Конечно, – придав голосу оптимизма, ответила Мэтти. – Я уже провела несколько успешных переговоров с АНИ. Там не привыкли, чтобы в их дела вмешивались юристы, и, хоть они и строят из себя крутых, пригрозить им ничего не стоит. Ведь они понимают, что не правы, а потому боятся, как бы кто их не прищучил. И потом, я знаю здешнего судью, знаю, как им надоело кормить таких, как Стоки. Мы можем его вытащить, а потом пристроить на работу. А затем, скорее всего, объявим вашу семью банкротами, чтобы сохранить дом и избавиться от каких-то счетов. Я еще повоюю с коммунальщиками.

Она так бойко перечисляла все эти меры, словно они уже были приняты, и Саманте сразу полегчало. Леди выдавила улыбку, первую и единственную за всю встречу.

– Дайте нам пару дней, и мы составим план действий, – сказала Мэтти. – Можете звонить Саманте, если возникнут какие-то вопросы. Она будет в курсе того, как продвигаются дела.

Сердце у интерна забило при упоминании ее имени. И еще ей показалось, что она ничего не знает и не понимает, а потому вряд ли справится.

– Так, значит, теперь у вас два юриста? – спросила Леди.

– Точно.

– И вы, это... работаете здесь бесплатно?

– Верно, Леди. Мы обеспечиваем юридическую помощь. И оказываем бесплатные услуги. Тут Леди закрыла лицо руками и разрыдалась.

Саманта еще не вполне оправилась после первой встречи с клиентом, как ее вызвали на вторую. Аннет Бривард, «младший партнер» Центра юридической помощи, решила, что новому интерну будет полезно в полной мере осознать, что такое домашнее насилие.

Аннет была разведенкой с двумя детьми и жила в Брэйди уже десять лет. Прежде она обитала в Ричмонде и работала в юридической фирме средней руки, но развод прошел с осложнениями, что и заставило ее собрать вещи и уехать. Она убежала в Брэйди с детьми и устроилась к Мэтти, потому что другой работы по ее профилю здесь просто не было. Поначалу у нее не было планов задерживаться в Брэйди, но человек предполагает, а Бог располагает. Она поселилась в старом доме на окраине города. За домом находился гараж, над которым была выстроена двухкомнатная квартирка. Она и должна была стать для Саманты домом на ближайшие несколько месяцев. Аннет решила, что раз интерну не платят, то и жилье тоже должно быть бесплатным. Они чуть не поссорились из-за этого, но Аннет удалось настоять на своем. Другого выбора у Саманты не было, и она въехала в квартирку над гаражом, пообещав, что будет бесплатно сидеть с детьми Аннет. Ей даже разрешили поставить в гараж «форд».

Следующим клиентом оказалась женщина тридцати шести лет по имени Фиби. Она была замужем за Рэнди, и прошлый уик-энд сложился для супругов не лучшим образом. Рэнди сидел в тюрьме в шести кварталах от дома (в той самой тюрьме, пребывания в которой счастливо удалось избежать Саманте), а Фиби теперь находилась у них в офисе – с подбитым левым

глазом, порезом на носу и страхом во взгляде. Проявляя исключительное сочувствие и понимание, Аннет удалось разговорить Фиби. И снова Саманта хмурилась с умным видом, молчала и строчила в блокноте, не переставая удивляться, как много сумасшедших проживает в этих краях.

Тихим, усыпляющим даже Саманту голосом Аннет побуждала Фиби рассказать свою историю. Последовало целое море слез и эмоций. Рэнди пристрастился к мету, еще и приторговывал им. А кроме того, бил и избивал жену вот уже года полтора. Пока был жив отец Фиби, Рэнди ее не трогал – он побаивался тестя, – но два года назад отец Фиби скончался, тут и начались избиения. Рэнди все время грозился ее убить. Да, она тоже баловалась наркотой, но так, самую малость, и наркоманкой ее назвать было нельзя. У них было трое ребятишек, старшему меньше десяти. У нее это второй брак, у Рэнди – третий. Рэнди уже стукнуло сорок два, он старше Фиби, и еще у него полно приятелей среди торговцев наркотой. Она боялась этих парней. Деньги у них имелись, а потому в любой момент Рэнди могли выпустить под залог. А стоит ему выйти из тюрьмы, он забьет ее до смерти, это точно. Он был вне себя от ярости, когда Фиби вызвала полицию и его забрали. Но он хорошо знает шерифа, так что в тюрьме его долго держать не будут. Он будет избивать ее до тех пор, пока она не заберет заявление. Она извела целую упаковку бумажных платков – на протяжении всего рассказа слезы лились рекой.

Время от времени Саманта вписывала в блокнот не относящиеся к делу вопросы: например, «Что я здесь делаю?» или «Куда я вообще попала?».

Фиби боялась возвращаться в дом, который они снимали. Трех детей спрятала у тетки – та жила в Кентукки. Судебный пристав сказал ей, что Рэнди предстанет перед судом вроде бы в понедельник. Может, он прямо сейчас просит судью выпустить его под залог, договаривается со своими друзьями и, как только те выложат пачку наличных, уйдет домой.

– Вы должны мне помочь, – твердила Фиби, – иначе он меня убьет.

– Нет, не убьет, – уверенно заявила Аннет.

Видя слезы Фиби, страх в ее глазах, читая язык ее тела, Саманта склонялась к мысли, что несчастная права: Рэнди в любую минуту может заявиться домой и начать буйствовать. Но Аннет, похоже, ничуть не волновала такая возможность. Она видела нечто подобное тысячу раз, догадалась Саманта.

– Саманта, – сказала Аннет, – посмотри в Интернете список дел, заявленных к слушанию. – Она продиктовала электронный адрес сайта, на котором размещались данные о структурах власти округа Ноланд. Интерн быстро открыла ноутбук, начала поиск и какое-то время не обращала внимания на слезы и возгласы Фиби.

– Я должна получить развод, – говорила Фиби. – Я туда ни за что и никогда не вернусь.

– Хорошо. Тогда прямо завтра мы подадим заявление о разводе и добьемся судебного запрета на общение с вами.

– Это как понимать?

– Да очень просто. Из суда поступит предписание, и если он его нарушит, то судья рассердится и снова упечет его за решетку.

На лице Фиби промелькнула улыбка – всего на секунду.

– Я должна уехать из города, – сказала она. – Здесь мне никак нельзя оставаться. Он опять накачается дурью и забудет про всякие там судебные предписания. И придет за мной. Надо, чтобы его подержали там подольше. Можно это как-нибудь устроить?

– В чем он обвиняется, Саманта? – спросила Аннет.

– «Умышленное нанесение телесных повреждений при помощи оружия», – прочла с экрана Саманта. – Дело будет рассматриваться в суде сегодня, в час дня. Никакого залога внесено не было.

– Умышленное нанесение повреждений оружием? Чем же он вас избивал, Фиби?

Тут слезы снова хлынули потоком, и Фиби принялась вытирать щеки тыльной стороной ладони.

– У него есть пушка, ну, пистолет. И мы держим его в ящике на кухне, разряженным, из-за детишек, на всякий случай. А патроны на холодильнике. Мы дрались и кричали, он достал пистолет и вроде бы собирался его зарядить. И я подумала, что он сейчас меня прикончит. Попыталась выхватить пистолет у него из рук, ну тут он и ударил меня по голове рукояткой. Пистолет упал на пол, и тогда Рэнди принялся избивать меня уже руками. Я выскочила из дома, забежала к соседям и вызвала полицию.

Аннет подняла руку, чтобы остановить ее.

– Вот это и есть нанесение телесных повреждений с применением оружия. – И она окинула Саманту и Фиби многозначительным взглядом. – В штате Виргиния за это дают от пяти до двадцати лет, в зависимости от обстоятельств – вида оружия, тяжести ранения и прочее.

Саманта вновь принялась лихорадочно строчить в блокноте. Она слышала об этом, но много лет назад, когда училась в юридическом колледже.

Аннет меж тем продолжала:

– Вот что, Фиби. Ваш муж наверняка будет говорить, что вы первой схватили оружие, ударили его и все такое прочее. Мало того, он даже может выдвинуть против вас обвинения. И что вы тогда на это ответите?

– Да этот гад на десять дюймов выше и весит фунтов на сто больше. Никто в здравом уме не поверит, что я затеяла с ним драку. А копы, если их спросят, подтвердят, что он был пьян и под кайфом. Да он и с ними тоже подрался, и они усмирили эту жирную задницу только электрошокером.

На губах Аннет заиграла довольная улыбка. Она взглянула на часы, открыла папку, достала из нее несколько листков.

– Мне надо позвонить, вернусь через пять минут. А ты, Саманта, возьми пока этот вопросник по разводам. Тут все очень просто. Заполните его вместе с Фиби, постарайтесь собрать наиболее полную информацию. Буду через полчаса.

Саманта взяла вопросник с самым невозмутимым видом, точно успела заполнить дюжины таких бумаг.

Час спустя она вошла в свой маленький офис, закрыла глаза и с облегчением выдохнула. Прежде в этом помещении была кладовая, совсем крошечная. Из обстановки – два расшатанных стула и круглый столик, застеленный клеенкой. Мэтти и Аннет извинились за убогую обстановку и пообещали в ближайшем будущем обновить ее. Зато тут было большое окно с видом на автостоянку. И Саманта радовалась, что в комнате у нее светло.

Надо сказать, ее рабочий «кабинет» в Нью-Йорке был не намного просторнее. Вопреки желанию, мысленно она то и дело возвращалась в Нью-Йорк, думала о своей огромной фирме, о связанных с ней надеждах и разочарованиях. Она заулыбалась, осознав, что теперь времени у нее хватает, что никто не давит, не заставляет трудиться сверхурочно, чтобы зарабатывать еще больше денег для хозяев, не без умысла когда-нибудь стать такой же, как они. Она взглянула на часы: ровно 11 утра, и пока она не потратила зря ни одной минуты. И не потратит. Тут вдруг задребезжал старенький телефон, и ей ничего не оставалось, как снять трубку.

– Вам звонят по второй линии, – сказала Барб.

– Кто? – нервно спросила Саманта. Сюда ей звонили в первый раз.

– Парень по имени Джо Дункан. Мне лично это имя ни о чем не говорит.

– А о чем он хочет поговорить?

– Он не сказал. Заявил, что ему срочно нужен юрист, а Мэтти и Аннет сейчас заняты. Так что он весь ваш.

– А по какому вопросу? – спросила Саманта и покосилась на шесть миниатюрных небо-скребов, выстроившихся на шкафчике для картотеки.

– По соцобеспечению. Смотрите, тут надо аккуратнее. Вторая линия.

Барб с неполным рабочим днем «стояла на передовой», отвечала на звонки в приемной. Саманта видела ее лишь несколько секунд утром, когда пришла на работу и их познакомили. Еще в центре трудилась Клодель, девушка с неоконченным юридическим образованием, но сегодня ее не было. Словом, настоящее бабье царство.

Она нажала вторую кнопку и бросила в трубку:

– Саманта Кофер.

Мистер Дункан поздоровался, затем долго допытывался, действительно ли она дипломированный юрист. Она заверила его, что именно так, но в последний момент сама засомневалась и подумала: он уловит сомнение в ее голосе и сразу же отстанет. Однако ничего подобного не произошло. Дункан заявил, что прошел через настоящий ад и хочет поговорить об этом. На него и его семью обрушилась целая волна несчастий, и, судя по первым десяти минутам повествования, проблем у него хватало, чтобы загрузить работой маленькую юридическую фирму на несколько месяцев. Он был безработным – его несправедливо уволили, но это совсем другая история, – главные проблемы были со здоровьем. У него диагностировали повреждение диска нижнего отдела позвоночника, а потому работать он теперь не может. Он хотел получить инвалидность, но в соцобеспечении ему отказали. И вот в итоге он может потерять все.

Саманта не могла ничего ему предложить, а потому терпеливо выслушивала его исповедь. Однако через полчаса ей это надоело. Оборвать разговор с таким человеком было трудно – он впился в нее, как пиявка, – но она обещала немедленно связаться со специалистом из соцобеспечения, изложить его проблему, а затем непременно уведомить его о результате.

К полудню Саманта устала и жутко проголодалась. Несколько часов она провела за чтением целого вороха разных бумаг и документов, старалась произвести на клиентов благоприятное впечатление, в глубине души боялась, что не соответствует новой должности, а значит, ее снова вышвырнут на улицу. Но эта усталость и напряжение отличались от тех, в которых она прожила последние три года. Она устала от ужаса, который испытывала при виде реальных человеческих несчастий. При виде доведенных до крайности людей, у которых почти не осталось надежды и которые обращались к ней за помощью.

Для остальных же сотрудников фирмы это был обычный понедельник. Они встретились за ленчем в зале для совещаний, принесли с собой еду в бумажных пакетиках. Быстро ели и обсуждали новые дела, клиентов, разные другие вопросы. Но в этот понедельник главной темой разговора стала, конечно, новый интерн. Всем не терпелось испытать ее, узнать поближе. И в конце концов Саманту все же удалось разговорить.

– Вообще-то мне нужна помощь, – созналась она. – Только что говорила по телефону с человеком, которому соцобеспечение отказало в статусе нетрудоспособного. Что бы это ни значило.

Ее слова встретили дружным взрывом смеха. Очевидно, такую реакцию вызвал именно термин «нетрудоспособность».

– Мы больше не занимаемся делами, связанными с соцобеспечением, – сказала Барб.

– Как его имя? – спросила Клодель.

Саманта помедлила с ответом, всмотрелась в лица новых коллег.

– Так, тогда проясним для начала. Я насчет конфиденциальности. Имеете ли вы – то есть мы – право открыто обсуждать друг с другом свои дела или здесь действует принцип конфиденциальности между юристом и его клиентом?

Это вызвало еще более громкий взрыв смеха. И все четверо разом заговорили, засмеялись, захихикали, продолжая жевать свои сэндвичи. И Саманте сразу же стало ясно – здесь, в стенах конторы, эти четыре женщины открыто обсуждают все и всех.

– Внутри фирмы игра ведется в открытую, – сказала Мэтти. – Но за порогом – ни гугу.

– Что ж, хорошо.

– Звонил Джо Дункан, – сказала Барб. – Вроде бы что-то припоминаю.

– Он был у меня несколько лет назад, – кивнула Клодель. – Составил и отправил заявление, ему отказали. Вроде бы у него были проблемы с плечом.

– Теперь болезнь распространилась то ли на позвоночник, то ли на нижние конечности, – сообщила Саманта. – И, судя по всему, дела у него хуже некуда.

– Он серийный жалобщик, – заметила Клодель. – Это, кстати, одна из причин, по которой мы не беремся за дела, связанные с соцобеспечением. Слишком много мошенничества в этой системе. Она прогнила насквозь, особенно в наших краях.

– Так что мне сказать мистеру Дункану?

– Есть юридическая контора в Абингдоне, которая специализируется только по этим вопросам.

Аннет подсказала:

– Называется «Кокрел энд Родз», но больше известна как «Кок энд Роч», проще говоря «Тараканы»¹². Плохие парни, рэкетеры, связаны с продажными врачами и членами комиссии при соцобеспечении. Все их клиенты получают чеки. По тысяче баксов каждый.

– Да тут хоть спортсмен, занимающийся триатлоном, может подать заявку, и «Тараканы» выбьют ему материальную помощь по нетрудоспособности.

– Так что мы никогда...

– Никогда.

Саманта надкусила сэндвич с индейкой и взглянула Барб прямо в глаза. Ее так и подмывало спросить: «Если мы не занимаемся такими делами, какого черта ты перенаправила звонок мне?» Но вместо этого просто напомнила себе, что и тут, видно, придется постоянно быть начеку. Три года службы Закону с большой буквы научили ее самым изощренным приемам выживания. Предательство и перерезание друг другу глоток там были нормой, но она научилась этого избегать.

Она не станет обсуждать сейчас этот вопрос с Барб, но припомнит ей это, когда наступит подходящий момент.

Похоже, Клодель в этой группе играла роль клоуна. Ей было всего двадцать четыре, замужем меньше года, беременна и плохо переносила это состояние. Все утро проторчала в туалете, борясь с приступами тошноты и мрачно размышляя о своем еще не рожденном ребенке – мальчике, которого уже было решено назвать в честь отца и который уже доставлял ей столько неприятностей.

Общий тон всех разговоров был на удивление свободным. За какие-то сорок пять минут они успели обсудить не только текущие дела фирмы, но и поговорить об утреннем недомогании Клодель, менструальных болях, родовых схватках, мужчинах и сексе, и, казалось, все еще не наговорились вволю.

Тут их веселую болтовню оборвала Аннет. Взглянула на Саманту и сказала:

– Через пятнадцать минут мы должны быть в суде.

---

¹² Cockroach – таракан (англ.).

Глава 9

В целом опыт посещения Самантой судебных заседаний нельзя было назвать приятным. Иногда там требовалось ее присутствие, но порой она посещала их добровольно. Саманта училась в девятом классе, когда ее отец, великий Маршал Кофер, пытался выиграть в федеральном суде округа Колумбия дело, связанное с авиакатастрофой. И ему удалось убедить преподавателя Саманты, что ученики должны набираться опыта, а потому ребятам будет крайне полезно увидеть его «в деле». И на протяжении двух дней однокашники Саманты умирали от скуки, слушая свидетеля-эксперта, рассуждавшего об аэродинамике и опасных последствиях обледенения корпуса судна. Саманта была далека от того, чтобы гордиться отцом, и до крайности смущена всеобщим вниманием. К счастью для Маршала, ученики находились в колледже в тот день, когда жюри присяжных вынесло вердикт в пользу производителя самолета, и отец проиграл дело – что было редким случаем. Семь лет спустя Саманта вернулась в то же здание, но в другой зал заседаний, и наблюдала за процессом, где ее отец был обвиняемым. Для матери это был день торжества, на заседание она не явилась, а потому Саманта сидела рядом с дядей, братом отца, то и дело вытирая слезы бумажным платочком. В университете Джорджтауна студентов обязывали посетить хотя бы один процесс по уголовному делу, но как раз в то время Саманта заболела гриппом и не смогла пойти. Студенты юридического факультета разыгрывали шуточные судебные процессы, и ей это нравилось, хотя ничего общего с реальностью их игры не имели. Позже, уже во время работы, она редко посещала залы заседаний. И еще на собеседованиях поняла, что хочет держаться как можно дальше от судебных процессов.

Теперь она появилась в здании суда округа Ноланд, и ее провели в главный зал. Здание являло собой довольно симпатичное сооружение из красного кирпича с нависающей над третьим этажом яркой металлической крышей. Внутри, в пыльном вестибюле, красовались выцветшие портреты каких-то бородатых знаменитостей прошлого, одна стена была завешана объявлениями и расписаниями заседаний. Вслед за Аннет она поднялась на второй этаж, где они прошли мимо дремавшего в кресле престарелого судебного пристава, затем открыли толстые двойные двери и оказались в дальней части зала. Впереди за кафедрой работал судья, несколько юристов шелестели бумагами и сновали по комнате. Справа находились скамьи присяжных, которые сейчас пустовали. Высокие стены были завешаны еще более выцветшими портретами – на всех без исключения мужчины, бородатые и невероятно серьезные, видимо, озабоченные вопросами законодательства. Две девушки-секретарши болтали и флиртовали с юристами. Несколько зевак разместились на скамьях и ждали начала заседания.

Аннет отвела в сторону обвинителя, который торопливо поздоровался с Самантой и назвался Ричардом, а затем сказала, что представляет интересы Фиби Фэннинг, которая хочет подать на развод, причем немедленно.

– Что вам известно? – спросила она Ричарда.

И вот они втроем отошли в угол рядом со скамьями для присяжных, чтоб никто их не слышал.

– Согласно показаниям копов, оба они были под кайфом, принялись выяснять отношения, и все закончилось нешуточным побоищем, в котором он выиграл, а она проиграла. Ну и пистолет тоже фигурировал, правда, незаряженный, он стукнул ее по голове рукояткой.

Аннет пересказала версию Фиби, Ричард внимательно выслушал. А потом сказал:

– Защитником у него выступает Хамп, и все, чего он хочет, – это свести срок к минимуму. Или же оправдать его подчистую. Я буду требовать большего срока. Может, удастся продержаться болвана за решеткой подольше, чтобы немного охладить его пыл. А она тем временем с ним порвет.

Аннет кивнула в знак согласия и сказала:

– Спасибо, Ричард.

По-настоящему Хампа звали Кэлом Намфри, у него была небольшая контора чуть ниже по улице – они проходили мимо нее по дороге в суд. Аннет вошла, поздоровалась и представила Саманту. Та была потрясена при виде того, какой живот отрастил себе этот мужчина. Брюки его поддерживались кричаще-яркими подтяжками, которые натянулись и, казалось, того гляди могли не выдержать и лопнуть. О последствиях было просто страшно подумать. Хамп прошептал, что «его человека» (он не сразу смог вспомнить имя своего подзащитного) следует немедленно выпустить из тюрьмы, иначе тот потеряет работу. Он не купился на версию Фиби и предположил, что конфликт разгорелся из-за того, что она напала на его клиента с незаряженным пистолетом.

– Вот для этого нам и нужны суды, – пробормотала Аннет, когда они вышли из офиса Хампа.

К этому времени Рэнди Фэннинга и двух его сокамерников уже доставили в зал суда и разместили в первом ряду. Наручники с них сняли, но один из приставов остался дежурить рядом. Эти трое вполне могли бы быть членами одной банды – грязно-оранжевые тюремные комбинезоны, небритые физиономии, растрепанные волосы и злобные взгляды. Аннет и Саманта разместились среди публики как можно дальше от этих типов. Барб на цыпочках вошла в зал, передала Аннет бумаги и сказала:

– Здесь все по разводу.

Судья вызвал Рэнди Фэннинга, Аннет отправила сообщение на мобильник Фиби, которая сидела в машине рядом со зданием суда. Рэнди стоял перед судьей, Хамп – по правую руку от него, а Ричард по левую, чуть поодаль. Хамп начал пространно и витиевато повествовать о том, что его клиенту абсолютно необходимо вернуться к работе, что корни его здесь, в округе Ноланд; что ему можно доверять и в любой момент, если понадобится, он может вновь предстать перед судом, ну и так далее в том же духе. Имела место обычная супружеская ссора, все можно уладить, и совсем не обязательно отягощать судопроизводство этими чисто семейными разборками. Он тархтел и тархтел, и тут Фиби потихоньку вошла в зал заседаний и уселась рядом с Аннет. Руки у нее дрожали, глаза покраснели от слез.

Ричард, представляющий сторону обвинения, напирал на тяжесть содеянного, а также на реальную возможность назначения длительного срока заключения для Фэннинга. Ерунда, возразил ему Хамп. Этот человек невиновен. На его клиента напала «неуравновешенная» жена. И если она и дальше будет продолжать в том же духе, так это ее надо засадить за решетку. Стороны защиты и обвинения обменивались язвительными репликами.

Судья, тихий пожилой господин с прилизанными волосами, спокойно заметил:

– Несколько я понимаю, предполагаемая жертва находится здесь, в зале. Я прав, мисс Бревард? – спросил он, окидывая взглядом присутствующих.

Аннет вскочила и ответила:

– Да, она здесь, ваша честь. – Она уверенным шагом направилась к судье, следом робко плелась Фиби. – Мы представляем здесь интересы Фиби Фэннинг и через десять минут подаем заявление о разводе от ее имени.

Саманта, оставшаяся на своем месте, видела, каким злобным взглядом окинул Рэнди Фэннинг свою супругу. Ричард не преминул воспользоваться моментом.

– Ваша честь, – сказал он, – хочу обратить ваше внимание на раны на лице миссис Фэннинг. Эту женщину избили самым зверским образом.

– Я не слепой, – ответил судья. – И не вижу никаких повреждений на вашем лице, мистер Фэннинг. Суд также должен принять во внимание, что телосложения вы весьма крепкого и рост у вас не меньше шести футов. А ваша жена, мягко говоря, гораздо более хрупкое создание. Так вы ударили ее или нет?

Рэнди переступил с ноги на ногу, замаялся, а потом выдавил:

– Да мы просто подрались, судья. Она первая полезла.

– Не сомневаюсь. Думаю, будет лучше, если мы подержим вас в камере еще день или два. Так что я отправляю вас обратно в тюрьму и назначаю следующее заседание на четверг. А тем временем вы, мисс Бревард, и ваша клиентка должны дать официальный ход делу о разводе и уведомить меня об этом по почте.

Хамп воскликнул:

– Но, ваша честь, мой клиент может потерять работу!

Тут Фиби не выдержала:

– Да никакой работы у него нет. Изредка валит лес, а все остальное время промышляет наркотой.

Слова ее прогремели на весь зал. Рэнди сжал кулаки и, похоже, был готов наброситься на жену, в глазах его сверкала смертельная ненависть. Судья сказал:

– Ну, хватит! Доставить его сюда в четверг.

Пристав схватил Рэнди за шкирку и вывел из зала заседаний. На выходе стояли двое мужчин злодейской наружности, с растрепанными волосами и в татуировках и глаз не сводили с Аннет, Саманты и Фиби, пока те выходили в коридор. Фиби еле слышно прошептала:

– Это дружки Рэнди. Все повязаны, вместе промышляют метом. Мне нужно поскорей убраться из города.

«Тогда я могу быть следующей», – подумала Саманта.

Они прошли в офис окружного суда и подали заявление о разводе. Аннет настаивала на немедленных слушаниях, мотивируя это тем, что Рэнди должен держаться как можно дальше от семьи.

– Самое раннее в среду днем, – сказала секретарь.

– Годится, – кивнула Аннет.

Два бандита продолжали торчать у выхода из зала, к ним присоединился третий – сильно разгневанный молодой человек. Он шагнул к Фиби и прошипел:

– Ты бы лучше отказалась от своих обвинений, девочка, иначе сильно пожалеешь.

Фиби не дрогнула, не отступила ни на шаг и с презрением посмотрела ему прямо в глаза.

А потом сказала Аннет:

– Это брат Рэнди, Тони. Только что вышел из тюрьмы.

– Ты меня слышала? Чтобы пошла и отказалась от всех заявлений!

– Я только что подала еще одно, о разводе. Все кончено, Тони. Уезжаю из города, прямо сейчас, и вернусь только на заседание. И еще я не собираюсь отказываться от обвинений, так что отвали, дай пройти.

Один из злодеев смотрел на Саманту, второй – на Аннет. Но тут распахнулась дверь, вышли Хамп с Ричардом и увидели, что происходит.

– А ну, хватит. Иди своей дорогой, – заявил Ричард, и Тони отступил.

– Пошли, девочки, – сказал Хамп. – Пройдусь с вами до своей конторы. – И он зашагал по Мейн-стрит, неутомимо болтая по дороге, обсуждая какое-то другое дело, где он схлестнулся с Аннет. Саманта плелась позади, потрясенная неприятным инцидентом и жалея о том, что не обзавелась пистолетом, который можно было бы положить в сумочку. Теперь она понимала, почему практикующий юрист Донован имел небольшой арсенал.

К счастью, оставшаяся часть рабочего дня прошла без посетителей. Слишком уж много печальных историй довелось Саманте выслушать с утра, и она понимала, что ей не мешало бы подучиться. Аннет одолжила ей потрепанный учебник для начинающих юристов, где были разделы, посвященные разводам, случаям домашнего насилия, завещаниям и недвижимости, банкротствам, взаимоотношениям между домовладельцами и жильцами, безработице, иммиграции и государственной помощи неимущим. К последнему был добавлен раздел о заболев-

ших антракозом легких. Написано все было сухим и скучным языком, но Саманта уже успела понять: сами эти дела скучными никак не назовешь.

В пять вечера она позвонила мистеру Джо Дункану и сообщила ему, что не станет заниматься его апелляцией в органы соцобеспечения. Ибо ее начальство запрещает принимать такие дела к рассмотрению. Она назвала ему имена двух частных юристов, которые берутся за подобные вещи, и пожелала успеха. Он, конечно, не был в восторге.

Потом она заглянула в кабинет Мэтти, и они подвели итоги первого рабочего дня. Пока что все вроде бы шло хорошо, хотя Саманта до сих пор никак не могла оправиться от столкновения с друзьями Рэнди.

– Нет, с юристами они связываться не станут, – поспешила успокоить ее Мэтти. – Особенно если это девушка. Я занимаюсь этим вот уже двадцать шесть лет, и на меня ни разу никто не напал.

– Поздравляю. Но угрожали?

– Ну, может, раза два, но не очень-то напугали. Так что не бойся, все будет хорошо.

И Саманта в самом прекрасном настроении вышла из конторы и направилась к своей машине, хотя по дороге несколько раз озиралась по сторонам. Над городом начал сгущаться туман, стемнело. Она оставила машину в гараже под квартирой и поднялась по лестнице.

Дочери Аннет Ким было тринадцать, ее сыну Адаму – десять. Их очень интересовала новая «жиличка», и они настояли, чтоб она поужинала вместе с ними. Но Саманте вовсе не хотелось участвовать в каждой семейной трапезе. В Нью-Йорке из-за сумасшедшего рабочего расписания и почти постоянного отсутствия Блит она привыкла есть в одиночестве.

Аннет, в силу своей профессии и обусловленного ею стресса, готовкой занималась мало. Да и уборкой, судя по всему, тоже. На ужин у них были гамбургеры с сыром, разогретые в микроволновке. И еще – нарезанные дольками помидоры с огорода одного из клиентов. Воду они пили только из пластиковых бутылок, никогда из-под крана. Они ели, и дети засыпали Саманту вопросами о ее жизни, о детстве в Вашингтоне, о том, как она жила и работала в Нью-Йорке и почему решила перебраться в Брэйди. Дети были умненькие, веселые, с чувством юмора и не стеснялись задавать личные вопросы. И еще – воспитанные, то и дело отвечали: «Да, мэм» или «Нет, мэм». Они решили, что Саманта слишком молода, чтобы называть ее «мисс Кофер», но и просто по имени, как решил Адам, тоже не слишком хорошо, к тому же оно длинное. И договорились, что будут называть ее «мисс Сэм», хотя Саманта надеялась, что «мисс» вскоре отпадет само собой. И еще она удивила их тем, что была готова посидеть с ними, если будет нужно.

– А зачем это нам? – спросила Ким.

– Ну, затем, чтоб ваша мама могла куда-нибудь пойти вечером, развлечься немного, – ответила Саманта.

Они рассмеялись.

– Она никуда не выходит, – заметил Адам.

– Верно, – кивнула Аннет. – Потому как в Брэйди ходить особенно некуда. Ну, конечно, если не считать церкви, которую тут посещают вечером три раза на неделе.

– А вы не ходите в церковь? – спросила Саманта. За время недолгого пребывания в Аппалачах у нее сложилось впечатление, что на каждые пять семей тут приходится по небольшой белой церквушке с покосившейся колокольней. Такие церквушки виднелись повсюду; казалось, все здесь верят лишь в непогрешимость Священного Писания и вряд ли во что-то еще.

– Ну, иногда, по воскресеньям, – ответила Аннет.

После ужина Ким и Адам убрали посуду со стола и сложили ее в раковину. Посудомоечной машины у них не было. Они хотели посмотреть телевизор вместе с мисс Сэм, махнув рукой на уроки, но Аннет все же удалось разогнать их по маленьким спальням. Чувствуя, что гостя, должно быть, заскучала, Аннет предложила:

– А мы с вами попьём чайку и поболтаем, идет?

Саманте ничего не оставалось, как согласиться. Аннет собрала ворох грязной одежды, запахнула в стиральную машину, стоявшую рядом с холодильником, насыпала порошок и повернула диск.

– А то тут такой шум начнется, ни слова не расслышать, – сказала она и полезла в буфет за пакетиками с чаем. – Без кофеина, идет?

– Конечно, – ответила Саманта и прошла в гостиную. Стены комнаты были заставлены провисшими книжными полками, кругом громоздились кипы журналов, мягкую мебель не пылесосили несколько месяцев. В одном углу стоял телевизор с плоским экраном (в квартире над гаражом телевизора не было), в другом углу Аннет поместила столик с компьютером, на полках под ним были сложены папки с бумагами. Она внесла две чашки с горячим чаем, передала одну Саманте и сказала:

– Присядем на диван, поболтаем о наших девичьих делах.

– О чем? – не поняла Саманта.

Они уселись, и Аннет ответила:

– Ну, о сексе, к примеру. Ты часто трахалась в Нью-Йорке?

Саманта рассмеялась, потрясенная такой прямотой. А потом задумалась, поскольку ей никак не удавалось вспомнить, когда она занималась этим в последний раз.

– Ну, не так уж и часто. Дело в том, что люди из моей среды слишком много работают, им не до развлечений. Для нас хорошо провести вечер – это пойти куда-нибудь в ресторан, вкусно поесть и выпить. Но после этого всегда так устаешь, что хочется только одного – поскорее завалиться в постель и спать, спать. Причем в одиночестве.

– Верится с трудом. А как же тамошние молодые и богатые профессионалы, пребывающие в вечном поиске партнеров? Я несколько раз пересматривала «Секс в большом городе». Ну, конечно, когда дети укладывались спать.

– Ну а я нет, не смотрела. Хотя слышала, конечно, но просто было некогда. За последние три года у меня был только один парень – Генри, вечно голодный актер, довольно забавный и остроумный. Но ему надоело, что я вечно занята и всегда уставшая. Нет, конечно, там полно молодых людей, но они в точности такие же, как ты, просто помешаны на работе. Женщина там – товар одноразового пользования. Ну а среди парней полно наркоманов и придурков, а другие жуть до чего самонадеянные, только и знают, что говорить о деньгах и хвастаться тем, что смогли на них купить.

– Я потрясена. Просто раздавлена.

– Да брось. Жизнь там совсем не такая гламурная, как тебе представлялось.

– И нет исключений?

– Ну, наверное, есть. Должны быть, но лично мне не попадались. – Саманта отпила глоток, ей хотелось сменить тему. – Ну а ты? Как у вас в Брэйдс с этим делом?

Аннет рассмеялась. Она выдержала паузу, тоже отпила глоток и как-то сразу погрузилась.

– Да ничего интересного тут у нас не происходит. Сама сделала выбор, перебралась сюда.

И вот, как видишь, живу.

– Выбор?

– Да, я переехала сюда десять лет назад. Ударилась тогда в бег. А все потому, что мой развод был сущим кошмаром. И мне хотелось поскорее смыться от своего бывшего. Ну и ребятшек забрать. Он им почти никогда не звонит, плевать хотел. А теперь мне стукнуло сорок пять, я в неплохой форме, остатки привлекательности вроде бы сохранились, но толку...

– Поняла.

– Здесь в округе Ноланд выбор тоже невелик. Встречалась с парой неплохих парней, но ни с одним из них жить бы не хотела. Один был на двадцать лет старше, но с моими детьми у него как-то сразу не заладилось. Первые несколько лет половина женщин в городе пытались

свести меня со своими кузенами. И я не сразу поняла, что делают они это исключительно с целью выдать меня замуж за кого-то из них, чтоб их мужа на меня не претендовали. Хотя женатые мужчины никогда меня не привлекали. Неприятностей потом не оберешься, городок-то маленький.

– Но почему ты здесь осталась?

– Хороший вопрос. Поначалу я была уверена, что не останусь. Знаешь, детей тут растить проще и безопаснее, пусть даже с экологией не очень. В Брэйди еще ничего, но совсем недалеко отсюда, в поселках и деревнях, дети постоянно болеют, и виной тому зараженная вода и угольная пыль. Короче, отвечаю на твой вопрос: я осталась здесь потому, что люблю свою работу. Люблю людей, которым нужна моя помощь. Знаю, что хоть немного могу изменить их жизнь к лучшему. Сегодня ты сама их видела. Видела их страхи, беспомощность. Я нужна им. Если уеду, то, возможно, кто-то займет мое место. А может, такого человека и не найдут.

– А как отключаешься, когда не на работе?

– Не всегда удается. Проблемы у них сугубо личные, такие разыгрываются драмы, что даже по ночам все думаю об этом и не сплю.

– Рада слышать, ведь у меня просто из головы не выходит эта Фиби Фэннинг с разбитым лицом. Спрятала детей у родственников, муж – настоящий ублюдок и может прикончить ее, когда выйдет из тюрьмы.

Аннет сочувственно улыбнулась.

– Знаешь, я видела много женщин, попавших в такую же ситуацию, и все они живы. И у Фиби рано или поздно все будет в порядке. Переедет куда-нибудь в другое место, мы ей поможем, разведется с ним. Учти, Саманта, сейчас он в тюрьме, вот и пусть вкусит все прелести жизни за решеткой. И если сотворит какую-нибудь глупость, сидеть ему там до конца жизни.

– Знаешь, он не произвел на меня впечатление человека, умеющего делать правильные выводы.

– Вот тут ты права: он идиот и наркоман. Я понимаю сложность ситуации, но с Фиби все будет в порядке.

Саманта вздохнула и поставила чашку на журнальный столик.

– Ты уж извини, но тут для меня все внове. Как-то непривычно.

– Иметь дело с простыми людьми?

– Да. Вникать в их проблемы, как-то стараться все исправить. Последнее дело, над которым я работала в Нью-Йорке, было связано с одним подозрительным типом, заработавшим миллиард или около того. Он был нашим клиентом и хотел построить такой высоченный, узкий, как игла, отель в центре Гринич-Виллидж. Самый безобразный проект, который я видела в своей жизни, настоящая безвкусица. Уволил трех или четырех архитекторов, и с каждым разом это здание становилось все выше и уродливей. Городские власти сказали: нет, не пойдет, и тогда он стал засыпать суды исками и спелся с политиками, словом, повел себя подобно большинству застройщиков на Манхэттене. Я видела его лишь раз, когда он заходил к нам в контору и наорал на моего партнера. Самая настоящая скотина. А ведь он был нашим клиентом. Моим клиентом. И я возненавидела этого человека. И хотела, чтоб он проиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.